

ЛАРИСА СОБОЛЕВА

ТАМ,
ГДЕ НАСТОЯЩЕЕ
ПЕРЕПЛЕТАЕТСЯ
С ПРОШЛЫМ, —
ВОЗМОЖНЫ
НЕОЖИДАННЫЕ
ПОВОРОТЫ
СУДЬБЫ...

ДЕТЕКТИВ ПО НОВЫМ ПРАВИЛАМ

РАНЕНОЕ СЕРДЦЕ —
ИДЕАЛЬНАЯ МИШЕНЬ

Annotation

Казалось, здесь есть все для прекрасного отдыха: солнце, море, флирт. И вдруг всю эту лучезарную картину портит жуткая весть: из моря одно за другим были выловлены тела трех молодых женщин, умерших насильственной смертью... Похоже, в пансионате «Южная ночь» орудует маньяк! Юный сотрудник милиции Всеволод под видом отдыхающего банкирского сыночка пытается выяснить, кто из компании его новых знакомых, беззаботных молодых парней, жестоко убивает женщин, пользуясь их неумной страстью к романтическим приключениям. Казалось бы, все указывает на одного конкретного человека, но... улики никаких нет! Преступник, как выясняется, чрезвычайно хитер и осторожен. И, кроме того, он действует не один – неожиданно у него обнаруживается компаньон...

Ранее книга издавалась под названием «Будет ночь, она вернется»

Лариса Соболева

Раненое сердце – идеальная мишень

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Соболева Л.

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Труп прибило к берегу. Он зацепился за каменный выступ, торчащий из воды, и покачивался на едва заметных бугорках волн в трех метрах от берега. Двое патрульных наткнулись на него ранним утром, встали у кромки воды и принялись почесывать затылки. Одному из них было больше сорока, он был упитанный и низкорослый, второй – молодой, худой, длинный. Стояли они и думали, что делать. Дело-то предстояло тягомотное: сообщить о находке, ждать приезда группы, потом пойдут протоколы, осмотр места происшествия, осмотр трупа и т. д. Это значит, домой удастся попасть во второй половине дня как минимум, а дежурство-то подошло к концу.

– Это уже не наш район, – сказал старший, следовательно, главный.

Молодой милиционер понял, о чем идет речь, но поскольку на милицейскую стезю ступил он недавно, соответственно не успел заостенеть. Оттого на вполне однозначный намек старшего товарища ответил робким возражением:

– По инструкции черта города заканчивается за скалой.

Оба долго молчали, глядя на спину утопленника и не решаясь сообщить по радиации, что найден труп. А вокруг – никого...

Раннее утроконца августа дышало свежестью, плотный морской воздух впитал в себя ароматы зелени, моря и земли, а тихий шепот прибоя ласкал слух. Это лучшее время для отдыха, когда не терзает зной, но еще очень тепло, фруктов – море, само же море приносит удовольствие, и купаешься не в парном молоке, не таешь под изнурительным солнцем, и народу на пляжах меньше. Если бы не труп...

– Интересно, баба или мужик? – вытирая платком лоб, произнес старший.

– Фиг поймешь, – отозвался молодой, пытаясь рассмотреть особенности строения фигуры. Но из воды торчала одна спина, ну, еще затылок с короткими волосами, разве по ним определишь, кто утоп? – Сообщим?

– Думаешь, начальство обрадуется, что мы ему утопленника подсунем?

– Скажи спасибо – не убитого.

– А ты что, уже знаешь, утоп он сам или его утопили? – слегка раздражаясь, спросил старший. Напарник попался туповатый, и это его нервировало. Он намекает-намекает, а тот никак не врубится. – Вдруг его пришили? Тогда это глухой висяк. А за висяк нам столько насуют... мало не покажется. Процент раскрываемости сразу упадет.

– И что делать? – растерялся молодой.

– Сам он не выплывет в открытое море и за скалу не заплывет... – рассуждал старший, сунув сигарету в рот и щелкая зажигалкой. – Труп найдут и догадаются, что мы его кинули. А, черт, газ кончился. Дай зажигалку.

– Мы его пока не кинули. – Парень отдал зажигалку и с опаской уставился на коллегу. – Давай сообщим, а?

– У меня кент в Ростове-на-Дону живет, тоже, как мы, патрулирует.... – не спешил сообщать о находке первый. – Так он рассказывал, как у них висяков скидывают.

– Куда скидывают?

– Город там на реке Дон стоит, знаешь такую? – принялся объяснять первый, ибо почувствовал, что парня уломяет, уж больно робко тот возражал ему. – Широкая река. И тянется город по берегу на многие километры. А течение в реке... нормальное. И вот. Когда

плывет труп по Дону, его, конечно, к берегу прибывает. Ну, а милицейский патруль берет багор и отталкивает труп от берега, тот и плывет дальше. Сам пойми, никому неохота всяк заиметь. Значит, плывет труп себе и плывет, а все равно приплывает к берегу, но уже на территории следующего отделения милиции. Те глядь – труп! Знают же, что приплыл он из предыдущего отдела. Берут багор и назад его... в реку. Так и плывет он, пока какой-нибудь придурок его не выловит.

– У нас нет багора... багра... короче, палки.

– А ты поищи. Вон сколько тут деревьев растет.

– Ты хочешь труп... спихнуть подальше?

– За скалу транспортируем, там не наша территория, и доложим, мол, полный ажур. Из-за скалы он не переплывет обратно.

– Нам за это не...

– А кто узнает? Ты же не скажешь? И я нет. Давай, ищи длинную палку.

Долго искать не пришлось. Чуть отойти от берега – попадаешь в заросли, где полно сухих веток. Парень отыскал длинный шест, который, видимо, туристы-дикари бросили, подошел к напарнику и растерянно посмотрел на него. Чтобы оттащить труп за скалу, надо войти в воду, а ни одному из них не хотелось это делать.

– Раздевайся, – скорее попросил, чем приказал, первый.

– А почему я? – Парень перевел брезгливый взгляд на труп. – Меня вырвет.

– Ты что, трупов не видел?

– Трупы видел. Плавать с ними не хочу.

– Понимаешь, у меня ревматизм...

– А меня вырвет, – отказывался парень.

– Ну, придется сообщать, – вздохнул первый. – Домой попадем вечером. (Парень молчал, что означало: лучше вечером домой попаду, чем с трупом в одной воде бултыхаться буду.)

Ладно, раздеваемся вдвоем. Найди еще палку.

Молодой человек сбегал за палкой, отыскав подходящую, вернулся. Первый нехотя снимал штаны. Разделся и парень. Взяв в руки импровизированные шесты, оба замерли, не решаясь ступить в море. Наконец первый попробовал ногой воду:

– Прохладная. Ну, пошли? Всего-то метров двадцать протащить. Только осторожно трогай его, а то повредим, потом нас подвешат за одно место.

– Да кто узнает?

– У нас ребята – Шерлок Холмс отдыхает. Не все, конечно, но есть сыщики крутые. Сразу догадуются, чем нанесли повреждения трупу и почему. Дознаются, кто был в патруле, нас и подвешат... К тому же трупный яд в воду пойдет.

– Бе-е, – выразил гадливость парень. – Ни за что больше не буду купаться в море. Плавают тут всякие... трупы... Фу!

Они осторожно, словно им предстояло приблизиться к морской mine, вошли в воду, погрузившись по пояс. Юноша вытянул шест и осторожно оттолкнул утопленника от каменного выступа. Труп легко закачался из стороны в сторону, отсоединился от камня... мелькнуло распухшее лицо.

– Баба утопла, – сообщил старший. – Иди в обход, а я ее...

– Молодая или старая? – не разглядел парень.

– Хрен поймешь... распухла вся... Толкай... Не-не! Ты поддень за футболку и переводи шест. А я подхватчу... Гляди, не порань ее! Трупы от воды размягчаются, не считаешь

силу... сразу разлезется и потечет... Не, ты за лямки на поясе штанов ее подхватывай... так надежней... ага... а теперь я...

Они потолкали ее до скалы, взобрались на камни и продолжили переправлять тело шестью, перебегая по острым выступам. Когда она с их помощью переплыла на нос скалы, оба вдруг разом вскрикнули от ужаса. Нет, вокруг была тишина, кроме трупа и патрульных – никого, и внезапно раздается голос:

– А чего это вы нам свой труп сплавляете?

За скалой стояли два милиционера в полной экипировке. Наверняка тоже патрульные, но из прилегающего к городу поселка, а это – другое отделение милиции. Двое первых, которых застукали на месте преступления, окаменели. А двое вторых с ехидными рожами скрестили на груди руки и криво улыбались.

– Ай, нехорошо, – сказал один из них, качая головой. – Это как называется? У вас завалили женщину, а вы ее к нам, да? Нехорошо.

Но тут парень заметил шлюпку у берега, а на ней, помимо весел, лежал багор, причем натуральный, с крючком.

– Данилыч, – шепнул он потерявшемуся напарнику, – глянь: шлюпка и багор.

Данилыч мгновенно сообразил, кто и кому подсунул труп, повернулся к двум наглым рожам и упер руки в боки:

– А вот мне интересно, откуда вы знаете, что труп был женщиной и что женщину эту завалили? Леня, – обратился он к напарнику через плечо, – ты рассмотрел, что бабу завалили?

– Не-а, – заверил Леня. – Я не рассмотрел, что это баба. Я думал, это мужик. Данилыч, эти гады приперли нам труп на шлюпке, ты понял?

– Понял, понял, – покивал довольный Данилыч. – Так что, ребята, забирайте свой труп, нам чужого не надо.

– А мы сейчас звякнем вашим, пусть приедут и посмотрят на вас. Мы в одежде, а где ваше обмундирование? Стало быть, это вы приперли нам труп, а не мы вам. Э! Стойте, голубчики! – Он ловко сделал несколько прыжков по скале, отрезав путь к отступлению полуголым коллегам. – Не уходите.

– Спокойно, спокойно, – слегка поднял руки вверх Данилыч. – Давайте полюбовно решим проблему. Труп вы нам подсунули...

– А ты докажи, – распетушился второй из поселковой ментовки.

– Будь уверен, докажу, – хорохорился Данилыч. – Ладно, мы ответим за то, что вам труп обратно сплавил, но и вы ответите, что нам его подбросили. Вы его нам доставили вон на той шлюпке, подцепив...

– Багором... багром... Тьфу ты! Палкой с крючком подцепили, – подсказал Леня. – Зачем вам палка с крючком? У нас простые палки, мы их нашли. А вы взяли специально...

Оценив ситуацию, противоборствующая сторона поняла: положение паршивое. Если они смоются на шлюпке, эти два полуголых негодяя сплавят труп на их территорию. А если наклеузничают городскому начальству, то полуголых потребуется задержать до приезда группы, но они молчать не будут. Короче, хоть так, хоть эдак, а начальство взгреет.

– Ваши предложения? – смягчился старший из второй группы.

– Давайте оставим труп на границе... – предложил Данилыч.

– А кто границы установил? – возмутился одетый мент.

– Послушай сначала! – рявкнул Данилыч. – Оставим на носу скалы, вызовем наших и

ваших. Пусть сами разбираются, чей труп.

Подумав, все пришли к выводу, что это наилучший вариант, хотя домой теперь никто из них не попадет вовремя.

Алина гнала машину не хуже гонщика «Формулы-1». Разумеется, гнала там, где трасса была свободной и не стояли на обочинах вымогатели в форме. Она уже выложила приличную сумму дорожным троглодитам, ведь путь проделала неблизкий – от Москвы. Да и платила, лишь бы от нее отстали, даже не спрашивая, за что платит, где и когда нарушила правила. Алина гнала машину, потому что это был единственный способ хоть как-то унять разыгравшуюся бурю внутри. Сзади спали Сема и Наденька, ее дети, которым было соответственно пять лет и три года. Их сон оберегала нянька Галка двадцати пяти лет, прибывшая с Украины в Москву на заработки. Галке повезло, она не попала на панель, потому что имеет добрых знакомых, порекомендовавших ее в няньки состоятельным людям. А вот Алине не повезло сказочно!

Со стороны ее считают потрясающе удачливой. Но это со стороны. Да, она девушка из обычной, ничем не примечательной московской семьи и вдруг вышла замуж по любви, да еще за принца – красивого, молодого банкира (правда, тогда он не был банкиром, банкиром был его папа) с изящным именем Владлен. Короче, тривиальная «лав стори» из голливудского меню – белое подвенечное платье, лимузин, взрывы шампанского, поцелуи под крики «горько». Но Алина теперь знает, что «лав стори» не заканчивается свадьбой, дальше она плавно перетекает в другую стадию – шипы и слезы. Уже во время первой беременности муж изменял ей направо и налево, вперед и назад. А она, как последняя дура, преданно, до одури, самозабвенно любила его. Почему же последняя? Первая! Другой такой дуры не сыщешь во всем белом свете. Наденьку Алина вообще родила недоношенной, потому что муж совсем обнаглел. Он разъезжал по кабакам в компании вульгарных девиц, а доброжелатели докладывали ей о похождениях мужа – дескать, прими меры. Интересно, какие? Случалось, ей звонили его пассии и нагло заявляли, что Владлен не любит ее. А она молчала, стиснув зубы, и выхаживала слабенькую Наденьку. Ну, кто она после этого? Первейшая дура. Кончилось тем, что недавно он уже открыто восхищался новой секретаршей, рассказывая ей, своей жене(!), о прелестях этой блудливой кошки. Как будто Алина – уродина, выхухоль из болота. Да у нее один рост сто восемьдесят, на каблуках – все сто девяносто, ноги от ушей растут! В юности ее хватали прямо на улице:

– Не хотите ли поучаствовать в конкурсе красоты?

Но она не гналась за карьерой топ-модели, ибо имела весьма смутное представление об этой сфере, а училась в университете, куда поступила благодаря своим знаниям. Правда, студенткой снималась в рекламных роликах, но снималась, исключительно чтобы подработать. А почему ее снимали? Потому что Алину считали красивой девушкой и фотографии ее помещали даже на обложках журналов. Но разве она изменилась? Было бы не так обидно, если бы она постарела, подурнела, растолстела. Тридцать один год всего-то! Выглядит – супер, мать и жена – каких поискать, с редким терпением и самоотдачей. Но терпение и «лав», оказывается, не вечные, как и скоропортящиеся продукты. Владлен так расписывал прелести новой секретарши, что Алину переклинило. Как гнусно – секретарша! Не бизнес-леди, не актриса, не партийный лидер, в конце концов! А тупой примитивизм – секретарша. И как обидно... Алина на собственном опыте уяснила: все секретарши – шлюхи. Пардон, ошибочка, шлюха – это черта характера, достается с рождения, а проститутка – это стиль жизни. Секретарши и есть проститутки, которые стоят на пару ступеней выше панели,

продаются за стул и стол возле кабинета шефа.

Итак, последнее событие привело Алину в ярость. Муж не хотел брать ее на корпоративную вечеринку, и Алина впервые проявила упрямство. Не просто упрямство, а жестко сказала: «Хочу и пойду». Полдня она провела в косметическом салоне, потребовав:

– Сделайте из меня шлюху.

Косметички не удивились, видимо, она была не первой желающей приобрести фальшивый блеск куртизанки, и требование исполнили. С новым обликом, с прической «ветерок погулял по моей головке», в шикарном костюме, она и явилась в ресторан, намеренно опоздав. Несмотря на исключительно «семейный» круг вечеринки, Владлен пригласил нескольких бизнесменов-друзей. Друзья-то как раз и остолбенели, увидев Алину. Она снисходительно разрешала за собой ухаживать, заметив, что лучше ее здесь никого нет. В это время муж куда-то исчез. Алина, зная, что кабак принадлежит приятелю Владлена, интуитивно направилась в кабинет директора. Полового акта она не застала, может, рановато пришла, но пылкие поцелуи ей удалось лицезреть. С секретаршей, которая сидела на столе (тоже пошлость – дальше некуда), целовался ее муж. Даже не удосужились дверь запереть! Разумеется, они отпрянули друг от друга, секретарша соскочила со стола и поправляла на себе одежду, скромно опустив блудливые глазки.

– Не смущайтесь, – с усмешкой сказала Алина, погружаясь в мягкое кожаное кресло. – Продолжайте, продолжайте.

– Уйди, – буркнул муж секретутке.

Та беспрекословно, опасливо обходя Алину в кресле, заскользила к выходу.

– И ты бросаешься на это?! – тоном, полным презрения и одновременно с чувством превосходства, сказала Алина, указывая ладонью на проходившую мимо секретутку. – Какой у тебя дурной вкус!

Самое отвратительное, что муж даже не оправдывался, не извинялся за свинское поведение. Он считал, что ничего в этом нет предосудительного, напротив, любовница – это хороший тон! Владлен отошел к окну и закурил как ни в чем не бывало. Кстати, он не позволяет называть себя Влад, говорит, это упрощает имидж. После паузы, во время которой Алина боролась с искушением убить его, она вздохнула, не показывая истинного своего состояния:

– Жаль. Мне хотелось посмотреть, как вы это делаете.

И гордо удалилась. В отместку она принимала ухаживания, нагло кокетничая с мужчинами. И надо же, ее поведение не понравилось мужу! Она пользовалась повышенным вниманием, это Владлена разозлило или ревность выиграла – черт его знает. После вечеринки он отчитал ее дома, все же она его жена и должна соответствовать... Алина оставила его пыхтение без внимания, разделась и легла спать. А утром, не предупреждая мужа, собралась, взяла няньку с детьми, кучу денег наличными и укатила на юг. Главная причина – она бежала от искушения убить его. Да, да, это не просто слова, это было непередаваемое желание отомстить за унижения, и Алина даже нашла средство мести – яд. Испугавшись, что перебороть себя не сможет, она придумала выход – поставить между мужем и собой преграду из тысячи километров. Конечно, можно было воспользоваться самолетом, на худой конец поездом, но куда в таком случае деть энергию, которая кипит и нуждается в выходе? Алина предпочла сесть в машину и ехать, ехать, ехать... К тому же торопиться некуда. Муж опомнился через день, позвонил на мобильник:

– Алина, в чем дело? Куда ты пропала?

– Проветриваюсь, – и ни слова более.

Теперь, пока у него не вырастут рога аж до космоса, она не успокоится. И один рог уже имеется, правда, не ветвистый, но все еще впереди. Приходилось делать остановки в крупных городах по дороге, ведь ей и детям необходим отдых, ну и переспала с одним... не важно. Она прихватила портрет мужа размером с плакат и первый рог с удовольствием пририсовала к его голове фломастером. Притом не испытывала угрызений совести ни на йоту: Владлен ее уничтожил. Немного противно, да не смертельно, пройдет. Она ехала туда, где еще жарит солнце, а люди там и без того горячие. Алина подогрета тоже основательно, так что ветви у рогов скоро появятся.

– Алина, пожалуйста, не гоните, – долетел до нее голос Галки.

Скорость она сбавила, но не очень. Даже если врежется, пусть это будет мгновенная смерть. Но, бросив взгляд на спящих детей, Алина уменьшила скорость до нормы. Это ее дети, которых она безмерно любит, лишить их жизни – преступление. Они-то ни при чем. Да и Галка не виновата, что Алина зла на весь мир.

Руслан сладко потянулся, сбросив простыню, зевнул и открыл глаза. Легкий ветерок тербил шторы, и, когда она слегка вздымалась, в комнату врывались яркие лучи солнца. А сколько времени? Он потянулся за часами, лежавшими на полке у софы. Десять? Никогда еще он так не залеживался. Но, припомнив, что как раз сегодня никуда не надо мчаться, Руслан спокойно встал, набросил рубашку, вышел из комнаты и остановился у двери на кухню. Кларисса колдовала у плиты, да так сосредоточенно, что не заметила его. Он подкрался сзади и обхватил ее руками, от неожиданности она вскрикнула, а потом откинула голову ему на плечо:

– Напугал.

– Сильно? – спросил он, целуя ее в шею.

– Немножко. Погоди, а то завтрак сгорит.

Она отстранилась, перевернула кусок мяса и накрыла его крышкой.

– Что ты готовишь? – снова привлек ее к себе Руслан.

– Насколько я поняла, завтракать ты любишь плотно, поэтому готовлю тебе свинину с овощами. А я ограничусь бутербродами. Не могу с утра наедаться.

– Я бы тоже ограничивался бутербродами, да только при моей работе поесть не всегда удается. Я пошел в душ, освежусь. Кстати, какие у тебя планы?

– За сыном пора съездить...

– Отлично, у меня свободный день, – отправляясь в ванную, сказал он. – Я отвезу тебя и привезу. Как?

– А ты не считаешь, что дома надо появиться? – крикнула ему вдогонку Кларисса. – Ты живешь у меня несколько дней.

Руслан вернулся:

– Я тебе надоел?

– С ума сошел! – вспыхнула Кларисса, восприняв его слова всерьез. Она была очень импульсивной, как девчонка, это его смешило. – Скажешь тоже! Человек, которого любишь, надоест не может.

– Тогда почему прогоняешь?

– Разве прогоняю? Напоминаю. Понимаешь, я не хочу осложнять твою жизнь, ставить перед выбором... Меня все устраивает.

– А меня нет. И перед выбором я все равно поставлен.

Он скрылся в ванной, а Кларисса вернулась к своему занятию. К сожалению, готовит она не очень, это ее смущало, а хочется... наверное, угодить Руслану. Странно, это первый в ее жизни мужчина, которому хочется угодить. Раньше такие мелочи, как неумение готовить, Клариссу не волновали, да и с мужчинами вела она себя одинаково: позволяла себя любить. Но едва у партнера в голосе появлялись первые признаки хозяйских ноток по отношению к ней, мгновенно охладевала.

Кларисса превыше всего ценит независимость, хотя и не занимается бизнесом, так что в полной мере назвать ее независимой было бы неправильно, она пашет на трех работах, как проклятая. Но независимость – это не только деньги и престижная работа, это состояние души. Отсюда следует: независимая женщина не станет пресмыкаться перед мужчиной, не будет унижаться, чтобы удержать его всеми известными способами. Независимая женщина наделена самостоятельностью, надеется только на себя, не боится одиночества. До недавнего времени и Кларисса соответствовала данным стандартам, была довольна, что она именно такая, а не другая. Но ее занесло, и занесло, кажется, по макушку. В принципе этому можно радоваться, но положение осложняется тем, что Руслан женат. Она хотела бы подумать обо всем наедине, однако, когда он уходит от нее, все мысли концентрируются только на нем, а не на том, что из этого выйдет.

– И где мой завтрак? – Руслан потянул носом.

– О, боже! – вскрикнула Кларисса, схватив сковородку. – Подгорело...

Увидев, насколько она расстроилась, Руслан со смехом забрал сковородку, скинул мясо на тарелку:

– Сойдет.

– Давай сделаю бутерброды... – и она попыталась забрать еду.

– Ни-ни! – загородил он тарелку ладонями. – Я съем.

Мясо захрустело на зубах Руслана, он был вполне доволен, а она подперла ладонью щеку и умильно смотрела на него. Ну ее к черту, эту независимость! Ей показалось, что ближе и родней этого человека у нее никого на свете нет. Сын не в счет, сын – это сын.

Зазвонил мобильник, Руслан поднес трубку к уху, выслушал, лицо его стало озабоченным. Ни слова не говоря, он набрал номер:

– Сева? У нас труп... Жду у дома Клариссы. – Он положил трубку на стол и вздохнул: – Извини, но я не могу поехать с тобой.

– Ничего страшного, в поселок ходит автобус.

– Я постараюсь приехать за вами...

– Не беспокойся, занимайся своим трупом.

В прихожей они целовались как мальчишка с девчонкой, будто у них больше не будет на это времени. Руслан убежал, а покрасневшая Кларисса вернулась на кухню, опустилась на стул и сказала себе:

– Спокойно. Это все временно. Никаких планов.

Сева уже ждал у дома, прохаживаясь взад-вперед. Когда они сели с Русланом в машину и проехали какое-то расстояние, Сева, до этого находившийся в глубокой задумчивости, вдруг повернулся к другу:

– А что ты делал у Клариссы с утра?

– Да так... кое-какие дела были.

Ни смущения, ни намек, мол, дела-то интимные, о которых особо не

распространяются, Сева не уловил в тоне Руслана. Значит, он действительно заехал к ней по делу. По какому? Все дела с Клариссой недавно закончились, она здорово помогла им. Но Сева не спросил, какие дела пригнали к ней Руслана с утра пораньше, а только пристально изучал его. И обнаружил нечто неестественное в нем. Всегда смурной Руслан...

– А почему ты сияешь, как новый рубль? – вырвалось у него.

– Разве?

Руслан мельком взглянул на Севу и пожал плечами, дескать, не пойму, о чем ты. Но именно его светящиеся глаза и просветленное лицо дали повод к подозрениям, причем к крупным. Тут же Сева тряхнул головой, отгоняя их. Нет, Руслан – человек порядочный до кончиков волос, иногда даже страдает из-за собственной порядочности, на сторону ходить – не в его духе. В таком случае отчего он так сияет? Но тут они подъехали к месту находки, посему Сева не стал приставать с расспросами.

Труп уже лежал на расстеленной пленке и представлял собой уродливое зрелище. Жутко смотрелась на трупе одежда, будто надели ее на резиновую куклу, затем надули, в результате чего одежда оказалась мала. Руслан обрадовался, что первое исследование трупа делает Яловой, он мужик толковый, с хорошими знаниями. И еще одна черта нравилась ему в эксперте – интеллигентность на генетическом уровне, ее не подменишь внешней прилизанностью и выработанными манерами. Яловой стоял на одном колене у трупа, когда Руслан подошел к нему и скорчил брезгливую мину, поздоровался, продолжая изучать тело, бывшее когда-то женщиной, усмехнулся:

– Не нравится?

– К утопленникам не привык.

– Что поделать, всплывший труп распухает в считанные часы за счет образования гнилостных газов, поэтому перед нами предстает в изуродованной фазе.

– Сколько она барахталась в воде?

– Максимум двое суток.

– Утопла или?..

– Или! Стали бы тебя вызывать, если бы она утопла. По моим скромным выводам, эту даму удавили. А теперь, Руслан, отойди, и подальше. Труп разлагается на глазах под воздействием солнечных лучей, перевозить его нецелесообразно, поэтому все, что возможно, придется делать здесь же.

Первым рванул в сторону Сева, даже при его исключительной любознательности смотреть лишний раз на труп охоты не было. Руслан поинтересовался, как был найден труп, кто его нашел. Ему указали на четверых патрульных, сидевших чуть поодаль на валунах. Он с Севой приблизился к ним:

– Здорово, мужики, – те встали, нестройно поприветствовали его, излучая из зрачков вину, словно это они убили женщину. – Ну и как вы обнаружили тело?

– Мы... это... – взял на себя инициативу Данилыч. – Шли по берегу. Ну, дошли до скалы. Потом я говорю младшему лейтенанту: «Сгоняй на скалу». Он по камушкам добрался...

– А мы уже обнаружили труп, – сказал патрульный из поселковой милиции, отчего-то волнуясь. – Он как раз на границе лежал...

– На какой границе? – не понял Руслан.

– Между их и нашим участками, – отрапортовал Леня.

– Это как? – хмыкнул Сева. – Что за граница? С таможней?

– А на носу скалы, – пояснил Данилыч, слегка обидевшись. Какой-то сопляк из

уголовного розыска подковыривает, а он все же прослужил достаточное время, чтобы иметь право на уважение. – Прямо на самом-самом. Короче, труп не наш и не ихний... то есть ничейный. Ну, мы сообщили сообща... ихним и нашим...

– Понятно, – перебил его Руслан с недовольной миной. Он не терпел мямлей, которые лишь вносят путаницу, поэтому удалился в тень.

Сева, хихикая по поводу границы, присоединился к нему. А четверо милиционеров, обнаруживших труп, с облегчением вздохнув, сели на камни и закурили, воровато подмигивая друг другу. Руслан и Сева издали наблюдали за Яловым, который работал четко, быстро и уверенно. Ему помогал второй эксперт, третий, находясь в сторонке, составлял акт, иногда переспрашивая, что ему писать.

– Слушай, как Сергей Сергеевич после всего этого есть будет? – спросил Сева. – Мне лично сегодня кусок в горло не ползет.

– Привычка. Кто-то же должен это делать?

– Да ему платить следует в десять раз больше. Ну и противное это занятие – потрошить утопленника.

– Не смотри, – посоветовал Руслан.

– Так тянет! Противно, а тянет посмотреть. Может, у меня развиваются патологические наклонности?

– Отстань. Кажется, закончили. Идем.

Труп завернули в целлофан, на котором он лежал, потом поместили в черный полиэтиленовый плотный мешок, застегнули «молнию». Яловой снял перчатки, сорвал повязку с лица, закрывавшую нос и рот:

– Уф! Теперь могу со всей ответственностью заявить: ее удавили. Причем удавили редким способом – зажав ладонью рот и нос. Во всяком случае, в моей практике с этим способом я встретился впервые. Обычно душат руками за горло, подушкой, шнуром, даже кляпом, когда его просовывают глубоко в горло, а тут – рукой обработали.

– Иди ты! – Руслан с интересом уставился на черный мешок с трупом, который грузили в машину. – Как ты определил, чем удавили? По-моему, это просто невозможно...

– Это по-твоему, – разминал Яловой затекшие ноги, болтая ими в воздухе по очереди. – Видишь ли, на внутренней поверхности слизистой рта есть ссадины и кровоподтеки, образованные вследствие придавливания губ к поверхности зубов. Жертва сопротивлялась, в смысле вырывалась, поэтому есть и прикусы губ. Ну, еще на лице имеются кровоподтеки неправильной формы. Подобные кровоподтеки возникают в результате скольжения и перемещения пальцев по лицу, значит, душили рукой. Помимо этих, существует еще ряд признаков, позволяющих сказать, когда она попала в воду. То есть живой или мертвой. Например: легкие дамы водой не заполнены. По этим признакам я и определил, что ее сначала удавили, а потом бросили в воду. Как видишь, это несложно.

– Еще какие есть мысли?

– На одежду обратил внимание? Футболка и шорты дорогие, фирменные, не подделка. А белье на ней стоимостью с твой месячный оклад. Поверь, в женском белье я разбираюсь. У нас таких бюстгалтеров и трусиков не продают.

– Ага, значит, приезжая, – огорчился Руслан. Поди теперь найди, где эта женщина обитала до удушения.

– Думаю, да. Но ты не расстраивайся. Дамы в такой дорогой упаковке не селятся в частных хибарах. Они выбирают место шикарное или хотя бы со всеми удобствами. Да!

Самое главное: у нее разорвана мочка уха.

– Так, так, так, – оживился Руслан. – Ограбление?

– Причин убийства может быть десяток, тебе это известно, – сказал до этого скромно молчавший Сева. – Если сережки она носила дорогие, то преступник подумал: зачем их на ней оставлять? Завалил тетку, заодно повысил свое материальное положение.

– Верно, – согласился Яловой. – Конечно, серьга могла зацепиться за одежду убийцы в момент борьбы, в результате чего и была вырвана, но... в этом случае осталась бы вторая. Мда, полагаю, серьгу вырвали. Наверное, дело было ночью, убийца одну расстегнул, а вторую не смог, поэтому сорвал с уха. Пока все.

– В карманах что-нибудь нашли?

– Ты имеешь в виду удостоверение личности или ключ от гостиничного номера? – сострил Яловой. – Увы.

– А возраст какой?

– Пока затрудняюсь сказать, все же труп претерпел изменения. Но ей не семьдесят, судя по зубам, так не больше сорока будет.

Руслан, Сева и Яловой некоторое время молча смотрели на машину, увозившую труп. Каждый из них понимал: дело-то, в общем, безнадежное, но даже в безнадежности всегда есть маленький процент удачи.

Алина въехала в Краснодар около четырех часов, узнала, где находится лучшая гостиница, и направилась туда.

– Два номера «люкс», – бросила администраторше.

– Вам? Два? – вытаращилась та, ведь за спиной Алины не было ни одного человека. Обычно все, кто желает получить номера, толпятся в ожидании бланков, хотя взять их может всего один человек.

– Мне два номера «люкс», – отчеканила Алина, раздражаясь. – На сутки.

– Заполняйте, – протянула администраторша бланки.

В одном номере она поселила детей и няньку, второй заняла сама, приказав Галке погладить платье и принести его в восемь вечера. Зайдя в двухкомнатный номер, даже не удосужившись рассмотреть, за что заплатила бешеные деньги, она упала на кровать и проспала до вечера. Проснулась, когда постучала Галка. Алина лишь забрала платье, не пустив няньку на порог, приняла душ, броско накрасилась. Спустившись в бар, вскользь оглядела зал, но ни одна личность из мужского состава не заинтересовала ее. Про себя она отметила, что несколько экстравагантно оделась, публика здесь сидела в более скромных нарядах. Ну и ладно. Алина села на высокий стул у стойки.

– Что будем пить? – спросил бармен.

– Спиртное, – угрюмо ответила она.

– А что именно?

– Все равно.

– Ну, а если я налью водки, вы тоже будете пить?

У бармена приятная улыбка, и внешне он очень хорош. Только один намек с его стороны, и... Раздевая его глазами, она ответила:

– Буду.

– Тогда начните с наших фирменных коктейлей.

Ей безразлично, что пить и что есть. Получив высокий стакан, Алина вынула из него соломинку, небрежно бросила ее на стойку и осушила добрую половину. Ничего напитков, по московским меркам недорогой. Видя, что бармен намеков не делает, Алина слезла со стула и двинула к свободному столику. «Первый, кто подойдет, хоть страшнее Квазимодо», – решила она, усаживаясь. Закурила. Алина не курит, в студенческие годы баловалась, потом бросила, но сейчас красный огонек и голубоватая струйка дыма от него являлись молчаливыми собеседниками. В обстановке, где ты чужая – как Алина в баре, – сигарета необходима, придает уверенности, ведь сидеть за столиком одной – дело далеко не из самых приятных. Сигарета становится единственным другом, когда одиноко, она не только читает мысли, но и отвечает на них.

А мысли вертелись вокруг мужа и секретутки. Невооруженным глазом видно, что она – дешевка с жидкими волосенками, плоскогрудая, сутулая, с губами-варениками, размазанными по лицу. И сколько же у него их было? Чего ему не хватало, чего? Как раз у Владлена всего в избытке. Вот! Избыток земных благ и сделал его порочным скотом. О, если бы деньгами можно было измерить счастье, Алина была бы мультисчастливой. Но большие деньги уродуют человека, потому что ведут к вседозволенности, они изуродовали Владлена, теперь изуродовали Алину. Наверное, ее ситуация – глупейшая донельзя: есть деньги, нет

счастья. Школьная подруга, которой она однажды, давно, поплакалась в жилетку, окатила:

– С жиру бесишься! Подумаешь, изменяет он ей! Да простой сантехник изменяет поварихе, а тут банкир! Ты ноги лижи ему, чтобы не бросил тебя. Ух, мне бы так повезло, я бы сама поставляла ему девок, даже третьей согласилась бы быть! Не дури, у тебя все есть, у детей тоже. Нянька, кухарка, домработница! Шмотки в Европе покупаешь. Кому еще так повезло? Ты должна перед ним буквой «Г» ходить и не забывать произносить: «Чего изволите». А ты ноешь! Совесть имей.

Все есть... А где тепло, человеческое участие, радость общения с близким человеком, уважение? Без этого жизнь невозможна. Может, и возможна, но не нужна. Впрочем, Алина приняла жизнь такой, как есть. Чего конкретно хочет, она пока не знала, то есть планов на будущее не строила. Одно-единственное желание одолело: отыграться. И ей все равно, с кем лечь в постель – с хачиком, папуасом или чукчей. Тут главное – количество. Возможно, после этого она приобретет относительное равновесие.

– Скучаете?

Алина подняла глаза. У столика стоял симпатичный мужчина лет тридцати. Ну вот, очередной рог муженька не заставил себя ждать.

– Скучаю, – сказала она с заметным вызовом.

– Разрешите?

– Присаживайтесь, – разрешила Алина, но без улыбки. Не хочется улыбаться.

– Вы из Москвы, – определил он.

– На мне написано?

– По выговору слышно.

– А, да... – все же натянула на лицо улыбку Алина, а то завлекать мужчину с хмурой миной как-то противоестественно. – А мне кажется, что здесь говорят необычно и смешно.

– Россия бескрайняя, в каждом районе свой говор, по нему легко определить, откуда человек. Но я нездешний, как и вы. Мой ареал обитания – Крайний Север.

– Боже, так далеко? А как вас зовут? – нарушила она церемонию знакомства, ибо мужчина должен первый спросить имя.

– Кирилл. А вас?

– Алина.

– Алина, – повторил он, улыбаясь.

Что вызвало у него улыбку? Ее имя? Чем? Наверное, нелепое имя, как она сама. Нелепое имя, и нелепо она построила свою жизнь. Все Алину поучают, поучают... Вторая подруга, ставшая модным дизайнером, сознательно окрутившая высокопоставленного чиновника и умело сунувшая его под каблук, тоже поучала, когда Алина поделилась с ней своими проблемами:

– Сама виновата. Мужчин следует держать в постоянном напряжении. Когда мужик знает, что в любой момент может потерять женщину, только тогда он, опять же из чувства собственника, дорожит ею. Жизнь надо строить не с учетом его и детей интересов, а твоих, только твоих. Если у тебя есть мозги, построишь отношения так, как тебе удобно, а не мужу. А ты во что превратилась? В ничто. Ну кто ты такая, чтобы тобой дорожить? Хранительница домашнего очага, красавица? Да таких, как ты, – тысячи. Любить мужа и детей – это не заслуга, а глупость. Владлен знает, что ты никуда не денешься, поэтому ведет себя соответствующе.

Уничтожила. Алина перестала делиться с подругами своими горестями, осталась одна,

то есть с детьми, но этого так мало. Неужели нельзя жить по-другому?

– У вас такое выражение лица, будто вы сидите на пороховой бочке, – сказал Кирилл.

Она очнулась. Совсем забыла, что ее цель – соблазнить этого человека.

– Простите, я много времени провела за рулем. А чем вы занимаетесь?

– Я нефтяник. Приехал на юг погреться на солнышке, у нас ведь солнца мало, а зимой его вообще нет. Я остановился в небольшом городе на побережье, а в Краснодар приехал встретить друга, он завтра утром прилетит...

Собеседником Кирилл оказался весьма занятным, он много путешествовал и по стране, и за рубежом. Собственно, и Алина побывала во многих странах, но об этом ей не хотелось говорить, она больше слушала. Время летело незаметно. Он предложил пойти к нему в номер, потому что в баре слишком шумно, но Алина вышла со встречным предложением – у нее номер с прекрасным видом и балконом, там будет уютно. Но суть ее предложения состояла в другом – на своей территории легче отбросить условности. Кирилл взял бутылку вина, фруктов, и они перебрались к ней.

Если первое дорожное приключение принесло моральное удовлетворение, оставив неприятный осадок, то на этот раз Алина убедилась, что существуют мужики получше ее мужа в постели. Владлен занимался сексом торопливо, заботясь о себе и только, потом поворачивался спиной и быстро засыпал. Кирилл это делал куда добротней! Алина впервые за долгое время по-настоящему расслабилась. Договорились встретиться днем и пообедать, но в десять утра Алина, пририсовав еще один жирный рог к голове мужа, села в машину и помчалась дальше на юг. Испугалась, что ей понравится спать с малознакомым человеком, прирастать она больше ни к кому не намерена.

Алина надумала остановиться в приморском городке, хотя мчалась в Сочи. Галка привела ее в чувство, сказала, что дети устали. А действительно, какая разница – Сочи или любой другой город у моря? Тем более что к Сочи дорога тянется по серпантинам, это опасно, так как Алина задумывается и забывает, что она за рулем. Единственное, чего в данном городе не доставало, – нормальных отелей. Алине пришлось объехать гостиницы, выбирая номера. М-да, курортный городок, а убогий. Еле нашла приличные номера, конечно, не ахти какие, но сойдут. Закрывшись в «люксе», она с час стояла под душем, потом легла и заплакала горько-горько.

Руслан и Сева до ночи объезжали гостиницы, санатории, пансионаты, дома отдыха в надежде, что в одном из этих мест обнаружилась пропажа женщины. Пока поездки не увенчались успехом, но далеко не все точки удалось объехать, а близился вечер. За это время установили примерный возраст убитой – от тридцати до сорока лет. Но кто она, откуда, где жила, с кем встречалась? Это и предстояло выяснить... если получится. При чем Сева не верил в положительный результат поисков, на что Руслан ответил:

– Такого не может быть, чтобы о ней никто ничего не знал. Тело-то есть, значит, должны быть и люди, знавшие ее.

– Вот именно – тело! – фыркнул Сева. – Изуродованное соленой водой и распухшее до неузнаваемости. У нас даже толковой фотки нет, ни один человек не опознает ее.

– Личность убитой мы все равно установим. Если она приехала на отдых, ее хватятся родные, когда не получают от нее известий, следовательно, обратятся туда, где она находилась последние дни, то есть к нам. А если она местная, это произойдет раньше. Я лишь хочу ускорить процесс. И потом, Всеволод, неужели у тебя не возникает желания распутать дохлое

дело? Убийца думает, что он спрятал концы в воду, что он умный. А мне нравится, когда я оказываюсь умнее. Это же головоломка! Любишь головоломки?

– Нет, – буркнул Сева, отвернувшись.

– Ничего, под моим чутким руководством полюбишь.

Раньше Руслан был смурной, а Сева – весельчак, теперь они немного поменялись местами. Ну, к балагурству Руслан вообще не склонен, но некоторый подъем в нем заметен, во всяком случае, на работу он приходил последнее время в приподнятом настроении. Севу недавно бросила девушка, поэтому он немного расклеился. Ничего, пройдет. Кого в юности не бросали? Руслан намеренно не трогает болезную тему, старается загрузить парня работой. За работой неприятности отступают на второй план.

А наутро к Руслану вернулось его обычное состояние – пасмурность. Он не подозревал, что встреча с женой будет невыносимо трудной. Собственно, он изменил жене в первый раз, отсюда – не имел опыта лжи, не знал, как ведут себя мужики в подобных случаях. Утром жена подала завтрак, мясо не высохло на сковородке, было сочным и вкусным, а есть хотелось. Вчера, когда он приехал домой, она не спросила, где он пропадал несколько дней, подала ужин, что-то лепетала о подготовке сына к школе, о текущих проблемах... М-да, проблемы... вчера все казалось ясным и простым, а сегодня простота превратилась в стопудовую гирию, давящую на грудь. Оказывается, обманывать нелегко, стыдно. Руслан елозил вилкой по тарелке, с неудовольствием запихивая в рот куски. Наконец встал...

– Когда вернешься? – спросила она.

– У меня убийство, – буркнул он.

– Завтра сыну в школу, ты проводишь его?

– Конечно. – Зазвонил мобильник. Выслушав, Руслан с радостью сообщил жене: – И еще одно убийство. Когда вернусь, не знаю.

Черт, он подготавливает почву для очередной лжи. Конечно, новое убийство его не обрадовало, чему тут радоваться? А то, что сегодня он заедет к Клариссе, и оправдание перед женой готово: два убийства – шутка ли! Но противно. Он разозлился на жену потому, что ему приходится врать, разозлился на себя, что причина злости высосана из пальца, а дело в чем-то другом...

– Шура! – Он вздрогнул от резкого окрика жены, когда пересекал двор по направлению к гаражу. Она звала соседку, территория которой отделена от территории Руслана невысокой оградой. – Шур! Помнишь, ты весной давала мне варенье из алычи? Так я тоже сварила, скажу, не хуже твоего. Ты попробуй, попробуй, а то можно подумать, лучше тебя никто не варит...

– Прекрати, – тихо бросил Руслан.

– А что такое? – захлопала карими глазами Неля. – Пусть не хвалится зря, у меня варенье вкусней, не кислое, а у нее кислое...

Руслан развернулся к ней лицом и хотел сказать... Ничего он не сказал. Она не услышит, что варенье в жизни не главное, и сколько баллонов законсервируешь на зиму – не главное, не главное и одежда, и ремонт. Главное – они чужие. Это как раз и тяжело сказать. Руслан выехал из гаража, позвонил Севе, что едет к нему.

Пансионат «Южная ночь», в котором до известных исторических событий не жили партийные руководители, практически пустовал. Даже в разгар сезона находится мало желающих оставить здесь целое состояние, чтобы ночевать с комфортом. День отдыха на Черноморском побережье и так стоит за пределом разумного, поэтому основная масса курортников предпочитает жить в фанерных клетушках на две-три койки, понастроенных аборигенами, а тратиться на фрукты и вкусности, продаваемые в изобилии на каждом углу. Более состоятельные люди выбирают относительно недорогие пансионаты, существуют и любители «дикого» туризма, то есть живут в палатках, которые притащили на плечах. Но в последнем случае желательно отдыхать с большой компанией, чтобы защититься от хулиганов. И только самые претенциозные легко швыряют деньги на ветер и селятся в престижном заведении, где они ходят по ковровым дорожкам, где обслуживание приличное, кормят неплохо и по часам, имеется собственный пляж и парк.

На пляже утром Кристина и Лика лежали в шезлонгах под огромным куполом зонтика и наблюдали за игрой в волейбол. Играли четверо: трое парней и Любочка. Парни как на подбор – крупные, мускулистые, жизнерадостные. Возраст у всех шестерых примерно одинаков – около тридцати или чуть за тридцать. Ребята отдыхают здесь неделю, а девушки прибыли недавно, поскольку в пансионате народу мало, все довольно быстро перезнакомились.

– М-м-м... – потянулась Кристина, жгучая брюнетка с огненно-красными прядями в волосах, кругленькими формами и с капризным лицом. – Мужика хочу.... Третий день здесь, а курортного романа и близко не намечается. Я презервативов навезла чемодан.

– Интерфейс смени, – промурлыкала Лика, достала из пляжной сумки масло для загара и принялась натирать ноги, поглядывая в сторону волейболистов.

Лика – белокожая, с прямыми белыми волосами до лопаток, тонкая, с длинными ногами, на первый взгляд флегматичная, но это не так. За медлительными манерами в ней угадывается редкая стерва, Кристина это сразу почувствовала. Самое поразительное, что Лика и слово «красивая» не сочетаются, но она, как магнит, притягивает к себе не одних мужчин, женщин тоже. Это изысканная штучка из Питера, впрочем, вздыхала Кристина с завистью, они там все продвинутые, продвинутой хотелось выглядеть и ей, хотелось подражать Лике. А та уловила, что новой подруге нужен наставник, и с удовольствием взяла на себя эту роль.

– У тебя выражение, будто ты всех мух в этом городе съела, – сказала Лика. – Вон, посмотри на мужиков. Кровь кипит, энергию девать некуда, вот и бросают мячик. Только свистни, они в очередь выстроятся.

– Что, прямо так и сказать: не желаете со мной переспать? – К сожалению, у Кристины нет опыта по соблазнению мужчин, оторваться она надумала впервые.

– Тогда жди, когда они сами догадаются, теряй время. Мужчины сейчас пошли безынициативные, инфантильные, их нужно пальчиком манить. – Лика помолчала, затем, натирая живот и грудь, хотя эти части тела находились в тени, лениво похвастала: – А мне вчера неплохой массаж кое-кто сделал...

– Кто? – оживилась Кристина и села в шезлонге.

– Угадай.

– Максим? Нет, не он... Эдвард? Нет, он слишком старомодный... Егор? – в это время прибежал еще один парень, встал в круг волейболистов. Это был самый видный молодой человек, пышущий здоровьем, загорелый до шоколадного цвета. При его появлении Лика томно поежилась. – Неужели Вик?! Ах да, он же массажист... Скажи, Вик?! Он?!

– Что тебя так удивляет? – оскорбилась Лика. – Я недостойна трахнуть с ним?

– Нет, но... как тебе удалось так скоро?

– Пожаловалась вчера на ноющую боль в спине, он предложил сделать массаж. Скажу тебе, Вик – прекрасный массажист, я просто улетела. А потом повернулась на спину, и он все понял. Учись, пока я жива.

Прелесть курортных знакомств – их родственность с попутчиками в поезде. Люди встретились случайно, далее судьба развела их, сто процентов из ста, что никогда больше они не увидятся. Но на курорте можно приоткрыться полностью, особенно когда встречаешь аналогичную душу. И времени больше, и не ограничен тесным пространством купе, где все же четыре человека, ведь откровенничать со всеми сразу не станешь. Посему отношения полной доверительности на отдыхе не редкость между людьми, живущими в разных концах страны. Лика – из Питера, Кристина из Ростова, ни одна из них не заложит временную подругу ее мужу из любви к пакостям. К тому же обе явились сюда с определенной целью, которую не скрывали друг от друга.

– Все же здесь скучища... – протянула Кристина.

– Ехала бы в Сочи, это единственный приличный город на побережье, развлечений там тьма, бойфренды тоже в избытке. Лично я так и сделаю, если скука заест.

– В Сочи! – фыркнула Кристина. – С удовольствием поехала бы. Но там и сейчас народу тьма, по закону подлости обязательно встретишь знакомых. Как увидят, что я кручу роман, незамедлительно доложат мужу. А он ревнивый. Я не хочу с ним ссориться, меня все устраивает... кроме постели. Он за день наматается, ему не до секса. Пару раз в месяц меня не устраивает. Дома не рискую завести любовника, слишком дорожу тем, что имею.

– Как мы с тобой похожи, – потянулась Лика. – Вернее, ситуации с мужьями у нас похожи, но я и дома рискую. Однажды я читала, что по статистике у семидесяти процентов мужчин наступает ранняя импотенция. Что же нам, бедняжкам, делать? Постоянного любовника не завожу, это действительно опасно, довольствуюсь временными связями. Кстати, обожаю массаж... вернее, массажистов. С какой стати я должна жить как монашка? От воздержания характер портится. А чем занимается твой муж?

– Машинами торгует.

– Неплохой бизнес. А мой что-то с инвестициями делает, я не вдавалась в подробности, – зевнула Лика. – От меня он без ума, бабки дает, что еще нужно? А где он их берет, меня это не касается. Ой, всю ночь не спала... освежиться в море, что ли? Должна сказать, Кристина, у нас отличные мужья, нам их беречь надо. Сколько женщин вокруг красивее нас? А повезло нам. Но я намерена всех этих мальчиков-волейболистов...

– Что ж, принимаю вызов, – в знак шутилой клятвы Кристина показала ладонь Лике. – Клянусь, что сегодня же затащу в постель...

– Ой, девочки! – упала в шезлонг Люба. – Устала.

Люба приехала вчера, но о ней уже много известно. Ей двадцать девять лет, не замужем, работает в НИИ. Красавицей ее не назовешь, но хорошенькой – да, правда, ростом невелика, зато мама-природа наградила ее качественной фигуркой.

– Охота тебе скакать под солнцем? – поморщилась Кристина.

– У меня привычка выработалась, – улыбнулась Люба. – В джунглях по несколько километров проходили пешком с рюкзаком за плечами. (За сегодняшний день это была первая ее ложь.) Между прочим, не по ровному месту шли, там дикие заросли, которые прорубать приходилось топором, конечно, не мне, но от этого легче не становилось. А влажность... на тебе одежда мокрая становится. О пустынях и говорить нечего. Вот где выносливость нужна! Причем днем в пустыне жара несусветная, как в аду, а ночью холод пробирает до костей.

– Ты и спала в палатках? – покривилась Кристина, которую в палатку не загонишь даже под пистолетом.

– Спала, а что делать? – гордо сказала Любочка и рассмеялась. – И не только в палатках, например, в бунгало из тростника, накрытого пальмовыми листьями (это вторая ложь). А однажды в одном африканском племени меня выдали замуж (третья ложь).

– За пигмея? – вяло поинтересовалась Лика.

– Что ты! За нашего парня. Экспедиция у нас была сборная... Я тогда только переехала в Москву, вещи не успела распаковать, сразу же в экспедицию попала. В мою задачу входило изучение выносливости человека в непривычных условиях, кстати, это тема моей докторской диссертации (четвертая ложь). С нами поехали и географы, врач-гомеопат, один мальчик снимал путешествие для центрального телевизионного канала, ну, и этнограф был. Так вот этнограф записывал обряды, свадебные тоже. Пришлось выйти за него замуж, потом в спешном порядке развестись, так как он уже был женат. Обожаю Африку, особенно Центральную. Северная слишком архаичная, там царят мусульманские обычаи, от которых я не в восторге. А Центральная Африка полна разнообразия и таинственности.

– Негров пробовала? – кто про что, Кристина об одном.

– В каком смысле? – не поняла Люба.

– В прямом. Говорят, они лучше всех трахаются.

– А я читала, что самые длинные пенисы у арабов, – певуче сказала Лика. – Значит, арабы стоят на первом месте в постели. Мне в Эмиратах не удалось снять араба, они там помешаны на жирных бабах с сиськами, как у коров вымя. Представляете, для них третий номер груди – все равно что горошина! Больше в арабские страны я не езжу. А в бархатный сезон предпочитаю сделать кратковременный вояж на наше побережье, так сказать, набраться сил перед зимней спячкой.

– Девочки, ну что вы такое говорите, – с легкой укоризной сказала Любочка. Для ее «научных» ушей это были циничные и непривычные откровения.

– А что такое? – повернула к ней лицо Лика, из-за очков не было видно ее глаз, но тон ясно говорил: тоже мне, целомудрие в бикини. – Разве жизненно важные потребности не входят в объект изучения? Вон ученые говорят, без секса люди долго не живут. И ты должна была подойти к сексу в Африке с научной точки зрения и с большой ответственностью. То есть выяснить, сколько раз человек способен совершить половой акт в непривычных условиях. Какова длительность, какие ощущения под кокосами среди диких обезьян. Так ты спала с неграми, пигмеями... кто там еще живет в Африке?

– Нет, не спала, – мягко улыбнулась Люба. – Я, признаться, не за тем туда ездила. Но пристают там откровенно, даже не пристают, а открыто предлагают заняться любовью.

– Следующим летом поеду в Африку, – вздохнула Кристина. – Или зимой рвану.

– Люба, для африканочки ты чересчур бледненькая, – заметила Лика.

– В джунглях не загорись, – ответила та, не смущаясь. – Представь: над тобой густые

кроны деревьев с широченными листьями, лианы. Все это переплетается, растет этажами, солнце едва достает до земли. А внизу травы в человеческий рост, а то и выше, даже гориллу в них не заметишь. Кстати, в джунглях мы все время в шляпах ходили, чтобы змеи и пауки не падали на голову. И это заблуждение, будто в Африке всюду несносная жара. В центральной части много горных районов, температура держится двадцать восемь градусов круглый год, растительность – с ума сойти, дивной красоты.

– О, я бы и с гориллой не прочь, он такой большой... – мечтательно произнесла Лика, после чего все дружно расхохотались.

– Девочки, пива не желаете? – подбежали к ним парни с запотевшими бутылками и банками в руках.

– С удовольствием...

С шумом взлетели пробки, зашипело холодное пиво.

Максим – черноглазый спортсмен-пятиборец из Уфы, участвовал он и в крупных соревнованиях, в Олимпиадах, имел неплохие результаты, а недавно перешел на тренерскую работу.

Эдвард – менеджер из Калининграда, наполовину русский, наполовину литовец, а похож на англичанина. Он элегантен, хорошо воспитан, молчун. Эдвард – натуральный человек-амфибия, плавать и нырять может часами.

Егор – из Ставрополя, занимается бизнесом, не вдавался в подробности, каким именно. Собственно, поле его деятельности мало кого интересует. Егор немножко похож на братка, немножко на гориллу – мечту Лики. Шутки у него плоские, стрижен он коротко, почти без шеи, зато плечи ого-го, впечатляют.

Викентий, сокращенно Вик, – парень из местных, работает в пансионате массажистом. Это бронзовый красавец с выгоревшими волосами, компанейский. Все парни, без исключения, общительны и притягательны, без видимых проблем. Компания выпила пива, Максим предложил посетить все бары и рестораны в городе, его дружно поддержали. А что – гулять так гулять, живем-то один раз! Потом парни, Кристина и Лика с шумом ринулись в синее море, а Люба осталась в шезлонге, наблюдая за пловцами.

Любочка – никакая не сотрудница научно-исследовательского института, никто не приглашал ее работать в Москву по причине острого дефицита гениальных специалистов. Она довольно скромный дистрибьютор, живет в Воронеже. Чтобы заработать, Люба ноги сбивает, носится по городу и окрестностям как бобик. Предлагает народу все – от биологически активных добавок до косметики. Да, да, поспекает и там и сям, в принципе зарабатывает относительно неплохо как раз потому, что товар у нее разнообразный. А какой смысл мотаться с одной косметикой или кастрюлями? Разумно загрузить несколько видов товара разного предназначения в сумку на колесиках и навязывать клиентам все разом.

Вам не нужен крем, который сделает вас на двадцать лет моложе и восстановит красоту, которой у вас в помине не было? Нет? Тогда купите кастрюлю, в ней полностью сохраняются витамины, пища готовится в считанные минуты, экономится время. Съев еду из этой кастрюли, вы ощутите прилив сил, у вас снизится (или повысится) давление, вы вообще избавитесь от недомоганий. И все благодаря кастрюле или сковородке! Дорого? Да в такой посуде готовят повара королевским семьям в Европе! Это новые технологии, их выпускают поштучно, просто у нас существует выход на производителя... Все равно не хотите? Тогда вот, только для вас: выпиваете добавки, и все здоровы на сто процентов. У вас что, рак? После добавок рака не будет! Проверено, люди встают со смертного одра! Ах, нет рака?

Будет! Если не станете принимать наши добавки. Таким образом Любочка пашет не по семь часов, а по десять-двенадцать. И все ради того, чтобы накопить денег, приехать раз в году на курорт и стать... необычным человеком с удивительной судьбой.

Ради этих двух недель Любочка отказывает себе во всем, даже в хлебе насущном. Но покупает пару шикарных купальников, летнюю фирменную одежду, всяческие аксессуары. По ее мнению, эти мелочи должны соответствовать уровню мозговитой и высокооплачиваемой леди, без которой столица просто задохнется. Потом приезжает на море, причем каждый год в разные города, чтобы случайно не встретить прошлогодних знакомых, селится в приличном пансионате или в гостинице и... преображается. Она находит свободные уши и вливает в них все, что придумала и прочла за год.

Любочка якобы ездила с экспедицией в Мексику, а в позапрошлом году – в Латинскую Америку. На себе испытала великую магическую силу пирамид майя. А в Кордильерах едва не погибла под лавиной снега, сошедшей прямо на экспедицию, пряталась в пещере несколько дней, голодала, пока их не отыскали спасатели. В Амазонке ее укусила пиранья, Любочка продемонстрировала шрамик на ноге. Шрам от укуса есть, но не пиранья его оставила, а маленькая соседская шавка, злющая, как сатана. А еще Любочка собственными глазами видела, как от электрического угря (тоже обитателя Амазонки) загораются обычные лампочки. В прошлом году она побывала на Мадагаскаре, а в этом – зимой – в Африке!

Ее скучная, однообразная жизнь без проблесков и надежды на лучшее озаряется только в это время года. Видя, с каким интересом ее слушают, Любочка увлекается и начинает свято верить в то, что говорит. Она поднимается не только в глазах собеседников, но и в своих собственных. Наверное, лгать нехорошо и некрасиво, но кому от ее фантазий бывает плохо? Любочкина ложь никому не приносит вреда. Куда больший вред она наносит, продавая чудодейственную посуду и черт знает что еще! В добавках Люба тоже сомневается, во всяком случае, сама их не глотает. Зато потом она долго живет воспоминаниями, словно действительно побывала в тех странах, о которых так убедительно рассказывала. У нее нет ни семьи, ни детей, есть только эти две недели, наполненные симпозиумами и открытиями, путешествиями и приключениями, романтикой и опасностями. Ей не нужны мужчины и вся эта суета вокруг постели, она прекрасно обходится без любовных страстей. Но без фантазий, без преобразования она не может. Две недели она живет по-настоящему полно, потому что ее мечты воплощаются в воображении. А главное – она встречается с уважением и поклонением, пусть даже с завистью, но на этот раз завидуют ей, восхищаются ею. Поэтому остальное время она спокойно переносит неустроенный быт, одиночество и нудное существование.

Не очень повезло на этот раз – Кристина и Лика не слишком увлекаются ее рассказами, но парни слушают, открыв рты. Впрочем, этих двух богатых девиц уже ничем не заинтересуешь, они отупели от богатства, пресытились, помешаны только на сексе. Первое впечатление от Кристины и Лики – будто их родила одна мать. Кристина – типичная жгучая южанка, смуглая, темноглазая. Лика – белокожая аристократичная северянка, а похожи они, как сестры, несмотря на внешнее различие. Да, до того одинаковые, до того у них сходны мысли и поведение, что тоска берет. Ну и бог с ними.

Любочка выпила пива и с наслаждением погрузилась в воду.

– Море подсунуло нам еще один трупик, – констатировал Сева.

Труп женщины обнаружили рыбаки за километр от берега и сами же доставили его на берег, а уж потом сообщили о находке в милицию. Труп хорошо сохранился, водичка-то уже холодненькая, хотя изменения были очевидны. Впрочем, уже в первый час после смерти происходят изменения, а соленая вода дополнительно модифицирует труп. На женщине было надето красивое вечернее платье сине-серебристого цвета, сохранились следы косметики на лице.

– Ребята, все один к одному, как и первое убийство, – доложил Яловой. – Дайте закурить, я сигареты забыл.

– Не понял, – слегка опешил Сева, протягивая ему пачку. – Два одинаковых убийства... убиты женщины... это сделал маньяк? Сексуальный маньяк?

– Ну, раз тебе так нравится... – с наслаждением затягиваясь дымом, произнес Яловой. – Тогда особенный маньяк.

– Почему особенный? – спросил Сева.

– Потому что следов жестокого насилия при осмотре трупа не обнаружено. За исключением тех, что в лицевой области. Но это от сдавливания рукой. Конечно, выясним при более тщательной экспертизе, была ли половая связь. Может, он убил ее, потом изнасиловал, потом бросил в море, такое тоже случается в мировой практике. А может, в половую связь не вступал. Но маньяки, Сева, потому и маньяки, что они кровожадные. Как раз кровожадности я не заметил, он не истязал жертвы, а попросту удушил. Единственное, в чем я уверен, – обеих женщин убил один и тот же человек.

– На моей памяти маньяков у нас не было, – сказал Руслан.

– Видишь ли, наш райский уголок не располагает к обострению психических расстройств, – рассуждал Яловой. – Я, конечно, не спец, но, по моим наблюдениям, море, щедрая природа, тепло – все это факторы, располагающие к расслаблению, беззаботности. Не задумывались, почему из наших мест не было и нет выдающихся личностей?

– Я точно не задумывался, – доложил Сева.

– Зря, – усмехнулся Яловой. – Анализ окружающего мира полезен и в нашей работе. Вот смотри, Сева. Где чаще появляются маньяки? (Тот пожал плечами.) Угу, не знаешь. А маньяки чаще появляются в перенаселенных районах, где уровень жизни заметно разнится, то есть существует видимое неравенство между классами. А по последним данным ученых, самое большое количество жестоких маньяков выдала та же Ростовская область. Связывают это с геопатогенной зоной – область стоит на тектоническом разломе, на людей влияют всякие перекрестные энергетические поля, плюс перенаселение, плюс социальные проблемы, у граждан срывает крышу. Одновременно повышается процент выживаемости, но выражается выживаемость по-разному. Одни мобилизуют волю и ум, другие падают на дно, третьи живут по инерции, четвертые предпочитают преступный мир.

– Преступников и у нас навалом, – возразил Сева.

– Я говорю о крайних проявлениях, – уточнил Яловой. – К тому же ученым свойственно заблуждаться. А у нас на побережье люди живут, как правило, вольготно, с душевным комфортом, к этому сама природа располагает. Здесь не хочется думать над проблемами, а хочется жить и наслаждаться. Я из собственного опыта это знаю. Когда переехал сюда, год не

мог включиться в работу на сто процентов. Отсюда следует: у нас нет предпосылок к психическим расстройствам, мозги расслаблены. Люди, конечно, сходят с ума, но не до крайней агрессивности. Поэтому не было и нет маньяков, но не было и не будет выдающихся личностей. Понятно?

– Ну, вы загнули, Сергей Сергеевич, – протянул Сева. – Мне обидно за наш край, и я не согласен с вами. Значит, это не маньяк, я правильно понял?

– Угу, – кивнул Яловой.

– Убийца в любом случае преследовал какие-то цели, должен быть мотив, – произнес Руслан. – Убил мужчину, так?

– Конечно, – сказал Яловой, сбрасывая пепел в сторону, чтобы он не попал на труп. – Я даже немного могу рассказать о нем. Убийца рослый, выше убитой примерно на голову, атлетического сложения, правша, не стрижет коротко ногти. Думаю, он привлекательный и обаятельный, а также молодой, то есть не старше сорока лет. Если Всеволод не возражает, то в сорок лет мужчину можно считать молодым. Лично я себя считаю очень молодым, несмотря на седые волосы, и мне как раз сорок стукнуло.

– Офигеть! – выразил восторг Сева и тут же съязвил: – Вы с ним знакомы?

– Доживешь, Всеволод, до седых волос, научишься рисовать портрет убийцы заочно, – пошутил Яловой с едва заметными нотками самодовольства в интонации.

– Нет, погодите, Сергей Сергеевич, – недоверчиво сказал Сева. – Разъясните мне, недалекому и без седых волос, на основании чего вы нарисовали портрет?

– Опыт, Сева, – ответил тот. – Почему человек идет на преступление? Потому что уверен, что сбросил концы в воду, как в данном прискорбном случае. Ведь никто не мечтает попасть за решетку, и преступник продумывает до мельчайших деталей свое будущее преступление. Раньше я считал, что это своеобразное кокетство, когда говорят «нет преступлений, не оставляющих следов». А потом поднабрался опыта и согласился: действительно – нет. Если бы он стрелял в нее из пистолета, я бы не нарисовал его портрет, поэтому многие заказные убийства остаются нераскрытыми. Хотя, думаю, и там есть свои зацепки, всегда существует причина, по которой совершено убийство. Но убийца не предполагал, что именно способ убийства позволит представить его внешность.

– И все же на основании чего вы представили его таким? – не унимался Сева.

– Обрати внимание, женщина не хрупкая, наверняка занималась модными видами спорта, она способна была оказать сопротивление, если бы убийца был мелким. Отсюда следует: рука убийцы должна быть большая, способная перекрыть доступ кислорода в легкие, стало быть, надежно закрыть разом рот и нос. Ну и силу он должен иметь достаточную, чтобы жертва не вырвалась. Далее, обрати внимание: женщина выше среднего роста. О чем это говорит?

– Мужик был высокий, – догадался Сева.

– Молодец, – похвалил Яловой. – Но разреши дополнить. Он душил ее со спины, не повалив на землю и не навалившись сверху, а прижав к себе, то есть стоя или сидя сзади женщины. Одновременно он обхватил ее второй рукой под грудью. Обхватил левой рукой, потому что существуют характерные следы на теле от сдавливания. Если мы ее перевернем, то на правой стороне спины, ближе к боку, ты увидишь полукруглые следы пальцев. Платье у нее с оголенной спиной, кровоподтеки видны четко. Кстати, мне нравятся такие наряды у женщин, очень сексуально.

– Ну-ну? – подгонял его Сева.

– В момент удушения убийца прилагал огромную силу. Поэтому и рука, перекрывшая рот с носом, и рука, обхватившая женщину, работали с одинаковой мощностью – рефлекс сработал на обе руки. Далее. Нос и рот перекрыла правая рука. Обрати внимание на ее лицо. С левой стороны в районе крыльев носа и на щеке не только размытые кровоподтеки от сжатия, но и полулунные ссадины от ногтей в результате сдавливания, проще говоря – царапины. Идентичные царапины были и на предыдущем трупe. Но они подверглись деформации от долгого пребывания трупа в воде, поэтому сразу я не разобрался в причинах повреждений на лице первой убитой. Надеюсь, теперь понятно, почему я сделал вывод, что убийца крупный, атлетического сложения, ибо имеет достаточную силу и ловкость, а также почему он правша и не стрижет коротко ногти?

– Понятно, – кивнул Сева. – А почему он выше убитой на голову?

– Видишь ли, кровоподтеки довольно четкие, труп в воде пролежал мало времени. Иди-ка сюда, Руслан, мы с тобой одного роста, стань ко мне спиной, – тот выполнил просьбу. Яловой взял его за подбородок ладонью и прижал к себе. Руслан запрокинул голову ему на плечо. – Видишь, что происходит? При таком положении душиТЬ сзади можно, но неудобно. К тому же были бы повреждения шейных позвонков, возможно, и гортани или хотя бы кровоподтеки на шее и затылке, ведь преступник прилагал огромную силу, чтобы задушить, плюс жертва отчаянно сопротивлялась. С уверенностью могу сказать, что шейные позвонки у нее в норме, а кровоподтеков на шее сзади и в нижней части затылка нет. А вот если ты, Всеволод, будешь душиТЬ Руслана, он упрется головой в твою грудь, ведь ты выше ростом. О чем я: в момент удушения ее голова находилась в вертикальном положении, давление равномерно распределилось на голову, затылок, шею и плечи, поэтому кровоподтеков нет.

– А почему вы решили, что он обаятельный и привлекательный? – подлавливал его Всеволод. – По каким признакам?

– Дай еще сигаретку, тогда скажу, – вынув из пачки сигарету, Яловой сначала закурил. – Женщина в нарядном платье, значит, вчера...

– Он убил ее вчера?

– Вчера, Сева, вчера. Так вот, скорее всего у нее было свидание с убийцей.

– Но почему вы так думаете?

– Не перебивай, – мягко осадил его Яловой. – Она пришла к нему на свидание, решив, что они пойдут в ночное заведение выпить, поэтому соответствующе оделась. А он, я думаю, пригласил ее прогуляться по берегу. Иначе как он дотащил труп к морю? Не убил же ее в городе? Он задушил ее на берегу, а труп потом бросил в море. Чтобы заманить женщину на отдыхе, надо быть по меньшей мере обаятельным и привлекательным, вызывать доверие. Романтический вечер, шум прибоя, безлюдное место... это так располагает к интимной близости. Не секрет, что на курортах в людях играет кровь, некоторые едут к нам исключительно оторваться.

– Я в ауте, – взмахнул руками Сева. – А откуда вы знаете, что убита она вчера? Все-таки труп побывал в воде.

– Элементарно. В нашей терминологии есть великолепное слово: «мацерация». Обозначает оно степень размягчения кожи вследствие пропитывания ее водой. Мацерация кончиков пальцев развивается в течение двух-трех часов, что мы имеем в избытке. А мацерация ладоней и подошв в течение одних-двух суток, чего не наблюдается, то есть размягчения незначительные.

– Незначительные? – удивился Сева. – Смотреть жутко.

- Совершенно верно, незначительные, – подчеркнул Яловой. – По данным признакам можно сказать, что труп в воде болтался максимум часов двенадцать. Да и не мог он убить ее днем, это опасно – заметят, а убил поздним вечером.
- Подведем итог, – вступил в диалог Руслан. – Значит, убийца не маньяк...
- Маниакальных признаков нет, – подтвердил Яловой.
- Он встретился с женщиной, – продолжил Руслан, – заманил ее на берег и убил... Лодка! Он где-то брал лодку, шлюпку, катер или хотя бы плот. На чем-то он доставил ее в море, так? Рыбаки выловили труп в открытом море.
- Вполне возможно, что и душил он ее в лодке, сидя сзади, – согласился Яловой. – Прокачайте лодочные станции, включая частные, не брал ли кто напрокат плавучее средство. О первой что-нибудь известно?
- Ноль, – ответил Руслан. – Времени было мало.
- С этой, думаю, будет проще, чем с первой, – сказал Яловой. – Эту легко опознать, она прекрасно сохранилась, возьмете фотографии. Убитая в вечернем платье, следовательно, она где-то оставила остальные вещи. Если учесть, что на коже ярко выраженный загар, то она приехала на отдых. Местные дамы ленивы, они не знают, в какой стороне находится море.
- Опять приезжая... – с неудовольствием протянул Сева. – С этими приезжими одна труба. Где искать место ее поселения?
- Ждите, когда обнаружится пропажа женщины, – произнес Яловой.
- Не будем ждать, – возразил Руслан. – Сегодня же продолжим объезд точек отдыха. Пока первостепеннейшая задача: установить личности убитых, без этого мы не установим личность душителя.
- И то верно, – вновь согласился Яловой. – Два убийства в короткий промежуток времени лично меня наводят на мысль, что душитель осуществляет некий план. Отсюда вытекает следующее предположение: убийца тоже приезжий. Он торопится, осуществит план и улетит. Так что ты, Руслан, прав, вам поднапрячься стоит. У нас не мегаполис, а почти деревня, основной поток отдыхающих схлынул, что несколько упрощает задачу.
- Тогда не будем терять время, – сказал Руслан, хлопнув по плечу Ялового.

Алина провела не только ночь в кровати, но и весь следующий день. Сказалась усталость – и физическая, и психологическая. Потом наступило опустошение, словно осталась одна оболочка, а внутри нет никакой жизни. Галка несколько раз стучала и сообщала, куда собирается пойти с детьми, спрашивала, не желает ли Алина присоединиться к ним. Алина не желала, разговаривала с нянькой через закрытую дверь. К вечеру она вспомнила о своей цели, и вдруг совсем неожиданно ее стукнуло: а зачем ей все это надо? Отомстить мужу? Мечь хороша, когда о ней знает тот, кому мстят. Например, подаешь бокальчик шампанского мужу, он выпивает, а ты потом смотришь на его предсмертные судороги и говоришь: «Это тебе за то и за это». Алина же не собирается рассказывать мужу о своих похождениях. Что же получается, она хочет досадить ему, но не хочет, чтобы он узнал? Выходит, после скоропалительного побега Алина вернется домой и все будет так, как было? Или она надеется, что Владлен изменится, осознает, как подло поступал, лишившись на несколько дней жены и детей? Ни на один вопрос, заданный себе, она не ответила твердо: «Да».

А ведь ей все равно, узнает муж или нет о ее случайных связях. Жить, как раньше, она не хочет, потому что это неправильно, мерзко, унижительно. Владлен не изменится, у него

особые принципы, которыми он дорожит и с которых его не сдвинешь. Тогда зачем она пустилась в разгул? Чтобы утвердиться в собственной неотразимости, мол, я кое-чего стою? На мимолетных связях неотразимость не проверяют, да и нужно ли ее проверять? Так кому и что она хочет доказать, вообще, что ей нужно? На последние вопросы у нее был ответ: ничего. Нынешнее ее состояние хуже, чем недавняя одержимость «орогатить» мужа. Ничего – это пустота и апатия ко всему на свете. И самое страшное – Алина не знала, как быть дальше. Наверное, надо еще поспать, может, после этого придет в голову ценная мысль. Но спать не хотелось. Включив телевизор, Алина без интереса смотрела на экран минут десять, затем выключила. Если бы и ее саму можно было выключить на некоторое время!

Зазвонил сотовый, Алина вынуждена была встать и подойти к столу, на котором лежала трубка, – вдруг это звонят родители. Но на табло высветился номер Владлена. Она послушала музыкальный сигнал, одновременно раздумывая, отвечать или не стоит. Собственно, почему не поговорить с ним? Едва она произнесла «слушаю», он взорвался:

– Алина, в чем дело, почему ты не берешь трубку?

– У меня кончились деньги, а здесь сложно купить карту.

– Куда тебя занесло, если даже карту негде купить?

– Под Курск. Я у подруги на даче.

– Тебя всегда тянуло в захолустье. Дети с тобой?

– Да. И дети, и Галка.

– Ну, тогда порядок. (Алина горько усмехнулась: дети с ней, ему волноваться нечего.)

Ладно, когда вернешься?

– Через неделю. Может быть.

– Ну, отдыхай в своем захолустье, раз тебе нравится. Я очень волновался, рад, что у вас все хорошо. Пока.

– Переживешь, – буркнула Алина в трубку, хотя он уже не слышал, так как бросил трубку.

Что ж, муж – человек занятой, и так уделил сбежавшей жене целых три минуты. А вот интересно, как он себе представляет Алину? Бесплатным приложением к его особе? Конечно: мать его детей и красавица жена одновременно – это дополняет респектабельности. Алина никогда не закатывала скандалов, у него прекрасная атмосфера в доме, он полностью обеспечивает семью и горд собой. Даже его волнение по поводу пропажи жены и детей непохоже на волнение, это обыкновенное уточнение. По-настоящему его волнует только курс валют на фондовом рынке, ну, еще сделки. Ему хорошо, а Алине плохо, очень плохо, так плохо, что выть хочется. Еще часок проведет взаперти – и завоет. Следует уйти куда-нибудь.

За окном только-только вечерело. Приведя себя в порядок, Алина решила прогуляться, но сначала зашла к детям. Галка кормила их манной кашей.

– Почему не в ресторане кормишь ребят? – спросила Алина, присев за стол.

– Зачем же лишнее тратить? – затарахтела Галка. Она вообще говорит быстро, словно боится, что ей не хватит времени все рассказать.

– Тебя не в экономки нанимали, – проворчала Алина. – Не смей экономить на детях.

– Разве же я экономлю? Вон, молоко купила натуральное, договорилась с бабкой, будет мне оставлять литр в день. Фруктов купила. А что полезного в ресторане? Ну, супа нальют, суп мы уже ели, а остальное там – отравка. Я вон и плиточку прихватила, чтобы готовить, с горничной договорилась, тут люди понимающие, разрешили. А вы отдыхайте, не

беспокойтесь.

Алина не стала спорить, поцеловала ребятшек в головы и вышла на улицу. Завтра первое сентября, в Москве уже чувствуется осень, а здесь теплынь совсем летняя, будто зима никогда сюда не придет. Алина брела по улицам, вдыхала дивный морской воздух, смотрела на праздничные лица. Странно, одеты многие небрежно, да и праздника как такового нет, но лица людей светились беспечностью, были по-праздничному веселы. Возможно, такое впечатление создано из-за ярких красок в одеждах, из-за множества улыбчивых лиц, гуляющих по городу без цели, как это бывает в праздничные дни. Только Алина среди беззаботных людей ощущала себя посторонней. И не потому, что была одна, а потому, что не имела с ними ничего общего. Этим людям легко, а ей нет. Противостоит естественно чувствовать себя инопланетянкой, но именно так можно ее назвать.

Семь лет замужества выхолостили в ней чувства, отгородили от общества друзей и подруг, от личных интересов. Она уже не помнила, какая была до замужества, не помнила, когда радовалась простым вещам, например, тому же морю или новому платью. В студенчестве каждую копейку приходилось экономить и зачастую делать тяжелый выбор: колготки или мороженое, театр или какая-нибудь необходимая мелочь. Конечно, когда удавалось достать билет на модный спектакль, Алина мчалась в театр, и это был огромный праздник, масса впечатлений, которых хватало на целый месяц. А кабаки! Когда водились лишние деньги, компанией шли в кабак, долго изучали каждую цифру в меню, а потом кутили, заказав самые дешевые блюда, танцевали до упаду... Сейчас Алина имеет возможность пойти в любой театр или на концерт, сидеть на лучших местах, ужинать в дорогих кабаках, одежду купить в Париже или в Риме, но не испытывает при этом счастья. Тошнотворно-банальная история: сначала удачливая Золушка, потом изнывающая от тоски богачка. Впрочем, деньги не ее – мужа, а она иждивенка, не имеющая права голоса.

Алина купила мороженое. Ела его и неторопливо шла по набережной. Видел бы Владлен, как его жена ест мороженое, стекающее на пальцы, прямо на ходу! За семь лет ей приходилось бывать на высшем уровне, она научилась вести себя подобающе, хотя и воспринимала светские выезды как игру. Правда, заигралась до того, что маска приросла к ней, а себя она потеряла. И вот результат: чего хочет – не определилась, планов никаких, внутри полный разлад. Вот уж верно: за все приходится платить. Только знать бы: за что платит она?

Алина выбросила остатки растаявшего мороженого в урну, вытерла пальцы платком, но они остались липкими. Купив минеральной воды, слила на руки...

– Алина!

Она оглянулась. Это как раз тот случай: один процент из ста подвел.

– Ну, есть у нас одна жиличка, которая вчера ушла, пока не вернулась, – настороженно сказала дежурная в пансионате «Южная ночь».

Дежурная сидела за уютным столиком с настольной лампой. Ей лет пятьдесят, но она тщательно следит за внешностью, наверняка перед дежурством посетила парикмахерскую, ибо ни одна прядь на ее голове не находилась в свободном полете, а выглядели волосы добротной и большой шапкой. Разумеется, у нее были покрашены губы и веки, на коротких ногтях алел маникюр. Дежурные в таких заведениях наиглавнейшие люди, потому что носуют во все закоулки, следовательно, знают о жильцах много. На втором месте – горничные, эти с удовольствием залезут и в грязное белье, а потом расскажут дежурным.

– А что вас смущает в ее отсутствии? – спросил Руслан.

– Ее отсутствие меня как раз не смущает, – ответила она и понизила тон до исключительно доверительного: – Случается, жильцы не ночуют. Понимаете, люди приезжают отдохнуть, встречаются, влюбляются... временно. За сезон на столько романов насмотришься... некоторые потом уезжают вместе, но редко. Может, наша жиличка отправилась покататься на корабле... с кем-то. Пройдет пара-тройка дней, и вернется. Это их право. А почему вы спрашиваете?

– У нас задание: выяснять, все ли отдыхающие на месте, – выручил Сева, так как Руслан раздумывал, что ей ответить. Говорить прямо: мы обнаружили труп женщины – он не посчитал нужным. Руслан предпочел пока не поднимать панику в среде отдыхающих. Тем временем Сева продолжил вешать лапшу на уши дежурной: – Обстановка в стране накаленная, терроризм, воруют людей, наш долг уберечь граждан от посягательств на их жизнь, имущество и свободу. А сколько времени отсутствует жиличка?

– Мне передали по смене, что она вчера вечером ушла, в номере не ночевала, – так же доверительно рассказала дежурная. – Еще не вернулась.

– В чем одета была? – поинтересовался Руслан.

– В платье.

– Я понимаю, что не в купальник, – сказал он. – В какое платье? Цвет, фасон.

– Не понимаю, зачем вам это знать...

– Гражданка, отвечайте на поставленные вопросы, если не хотите иметь неприятности с вашим начальством, – раздраженно бросил Руслан.

Работы в городе нет, лишь в курортный сезон можно устроиться на непыльное место, да и то по знакомству. Дежурная, конечно, знала, с кем имеет честь разговаривать, но привычка подкузьмила – конфиденциальная информация здесь стоит денег.

– Да что же вы сердитесь, – обидчиво поджала она губы. – Мы не имеем права рассказывать о наших жильцах...

– Я задал конкретный вопрос, – набычился Руслан. – Отвечайте: в какое платье была одета ваша жиличка?

– А я не знаю, – вызывающе сказала она, хотя наверняка знает. У дежурных и горничных одна радость – сплетни. Они не упускают случая, чтобы поделиться сплетнями, но Руслан повел себя с ней грубо, и она элементарно мстила. – Не я дежурила вчера.

– Адрес дежурной. – Он терял терпение. – Заодно напишите имя и фамилию отсутствующей женщины.

Она настрочила несколько строк, протянула ему бумажку. Когда вышли из здания пансионата, Сева, стараясь не подогревать злость Руслана, пробормотал:

– Тетке поговорить охота, а ты наехал на нее. Представляешь, если убитая окажется жиличкой из этого заведения? Нам придется ехать сюда еще раз.

– Приедем, – коротко бросил Руслан.

– Да показал бы ей фотку...

– Что сказал Яловой? Убийца, возможно, тоже приезжий. Эта крыса разнесет новость по всему берегу, убийца соберет манатки и дунет отсюда, тогда точно два трупа останутся глухарями. Меня такой вариант не устраивает. Лучше подпольной тактики ничего нет, вот и будем действовать тихой сапой до последнего. Поехали.

Она была уверена, что больше никогда не увидит его, но именно он торопливо шел к ней. Алина разволновалась, хотя по ней это не было заметно. А подошел не кто иной, как второй «рог» мужа, то есть Кирилл:

– Здравствуй, Алина.

– Здравствуй, – опустила она глаза и с усердием рассматривала конфетную обертку под ногами. Отчего-то стало неловко. Алина понятия не имеет, кто он такой, что за человек, а между ними уже все случилось.

– Почему ты не пришла? Мы же договорились...

– Не спрашивай, – перебила она, раздумывая – отшить его или повременить.

– Не буду, – сказал он с улыбкой. – Я рад, что мы встретились.

Она не могла ответить тем же. Одно дело, когда знаешь, что этот человек навсегда исчезнет из твоего поля зрения, отсюда отключаешь тормозные центры и совершаешь то, что при иных обстоятельствах тебе в голову не придет сделать. Надо сказать, для первого раза она вела себя слишком раскрепощенно, поэтому ей и стало неловко. Другое дело, когда, переспав с ним, трусливо сбежав, по идиотской случайности снова встречаешь его. Не повезло. Он явно будет настаивать на продолжении, а она уже отказалась от идеи наставлять рога мужу. Конечно, не совесть в ней заговорила и тем более не раскаяние. В какой-то мере уже удовлетворила злость на мужа, теперь следует подумать обо всем и принять хоть какое-то решение.

– Раз у нас не состоялся обед, я приглашаю тебя на ужин, – сказал Кирилл.

Алина подняла на него глаза. Отказаться? И... согласилась:

– Идем.

По пути Кирилл рассказал, как встретил друга, а тот сразу же поехал к родственникам приятеля, который погиб накануне отъезда при пожаре нефтяной скважины. Друг прав: необходимо морально поддержать родителей, ничего, приедет к морю позже. К сожалению, пожары случаются, ведь оборудование устарело, люди гибнут. Во время его монолога Алина думала: «Зачем я согласилась? Потом он пойдет меня провожать, потом напросится в гости, потом... так зачем?» Если бы она сама знала!

Сели за столик на открытом воздухе, с площадки кафе открывался великолепный вид на море, до ушей долетал размеренный и ленивый шум прибоя. Алина улетела от проблем, глядя на тускнеющее небо и бледную поверхность воды. Мир прекрасен! Плохо, когда в этом мире ты вроде бы занимаешь некое место, но тебя оно полностью не устраивает. Алина изредка отрывала взгляд от моря и переводила его на говорившего Кирилла. А вот у него место вполне определенное, он им доволен. В сравнении с рафинированным Владленом Кирилл

как на ладони – открытый до первобытной простоты. Или он тоже играет роль, поставив перед собой цель – понравиться Алине, а на самом деле другой? Когда он закурил, она попросила сигарету.

– Ты ведь не куришь, – протянул он пачку.

– Почему ты так решил? – удивленно вскинула она брови.

– Это всегда видно: курит женщина или не курит.

– А что ты еще заметил во мне? – вопрос Алина задала просто так, ее не занимало мнение Кирилла о ней.

– У тебя неприятности, ты их скрываешь.

– Плохо скрываю, раз заметно.

– Да нет, скрываешь неплохо. Просто люди с неприятностями – обособленные, они погружены в себя. Они общаются, выполняют обязанности и вместе с тем отстранены от людей и жизни. Это неправильно. А знаешь, как избавиться от неприятностей?

– Ну и как? – искренно заинтересовалась она, вдруг он действительно подаст идею, до которой Алина сама не додумается.

– Бросить их.

– Как это – бросить?

– Уйти от них. Разом отрезать от себя, начать заново строить жизнь, карьеру... ну, то, что считаешь важным для себя.

Совет прост, как все гениальное. Только следовать ему непросто. Правда, совет отдает эгоизмом, но разве эгоизм бывает с обаятельным лицом? Она спросила:

– А как же те, кто вокруг тебя? Их тоже отрезать?

– Если неприятности происходят от этих людей, то сначала отойди и посмотри со стороны на них. Может, они не стоят того, чтобы ты жертвовала собой, заботясь об их благополучии, спокойствии и прочем. Понимаешь, подминать себя можно только в одном случае: когда ты видишь отдачу от тех, кто с тобой рядом. Если же отдача идет только с твоей стороны, ты всегда будешь в проигрыше, точнее – жертвой. Некоторым нравится быть жертвой, нравится жалеть себя, но такие люди, в конце концов, становятся нытиками и циниками. Поверь, это не лучший вариант.

– Я выгляжу жертвой? – ее начал забавлять их диалог.

– Немножко, – полушутя-полувсерьез ответил он.

– И ты решил пожалеть меня, поэтому подошел в баре.

– Я подошел, потому что ты понравилась мне. Если тебя что-то тяготит, хотя бы отстранись от проблемы на некоторое время, и решение придет само собой. Комплекс головных представлений иногда имеет хлипкое основание и лишь отдаляет от истины. Поэтому очень полезно попытаться разобраться в себе и окружении, я это по себе знаю. К тому же если тебя пугает правда, ведь часто люди сознательно уходят от нее, так вот знай: никогда не поздно начать сначала, важно определиться, чего ты хочешь.

– А если я ничего не хочу?

– Так не бывает. Иначе в твоих глазах не сверкал бы протест. Ты же из протеста пригласила меня к себе в номер, разве не так?

Алина откинулась на спинку стула и заинтригованно изучала его. Он расчленил ее буквально на части. Она давно не слышала, чтобы вот так запросто говорили – кто ты есть. Поразительная наблюдательность и неприятная откровенность. Плохо это или хорошо, сейчас она бы не сказала, потому что забыла, что плохо, а что хорошо. В тех кругах, где ей

приходилось возвращаться, господа заняты лишь собственным «я», тебя рассматривают как потенциальную возможность решить собственные проблемы, а что делается в твоей душе – никому не интересно. В какой-то момент Алина осознала, что страшно не хочет оставаться в одиночестве, когда даже поговорить не с кем хотя бы на абстрактные темы. А Кирилл, сам того не желая, чуточку обозначил путь, который стоит попробовать пройти, внушил, что она не пешка, а в подобной подпитке Алина нуждалась. Может быть, ей эта встреча была нужна? К тому же они немного сроднились, во всяком случае, переспали, что значительно упрощает отношения. Тем не менее они оба все равно с разных планет, и кажется, он тоже это чувствует.

Компания из шести человек дружно явилась на ужин, приодевшись, чтобы не тратить время на переодевание. Сразу после ужина было решено отправиться в бар, только встал вопрос – в какой, это и обсуждали перед столовой.

– Я хочу в престижный бар или клуб, – поставила условие Лика. – Терпеть не могу дешевые забегаловки. А в этом городе есть престижные заведения?

– Спросим у Вика, он же местный, – подсказала Кристина.

– Но давайте сразу обговорим щепетильный вопрос, чтобы не возникло недоразумений, – предложила Лика. – Каждый платит за себя сам. Идет?

– Обижаешь, – шутливо надулся Егор. – Мужики, неужели мы не доставим удовольствие нашим женщинам и не оплатим их капризы?

– О чем речь! – воскликнул Макс, соглашаясь с ним.

– Я не хочу, – заявила Лика. – Не хочу попадать в зависимость. Думаю, все в состоянии оплатить свои капризы. Ой, я слышала, Люба, что научные кадры получают мало, поэтому разрешаю платить за...

– Ошибаешься, – зарделась Любочка. В этот миг она возненавидела Лику за беспардонность и унижительное высокомерие. Сразу потянуло похвастать тем, чего нет и в помине. – Зарплаты у научных сотрудников действительно могли бы быть лучше, но мои статьи публикуют в зарубежных журналах, а гонорары там, да будет тебе известно, выше скромных. Намного выше.

– Тогда все вопросы решены, идемте кутить? – очаровательно улыбнулась Лика. – Кстати, кто вызовет такси? Нам нужны две машины.

– Вик обещал, – сказал Эдвард. – Он будет ждать нас у въезда.

Дежурная жила в частном секторе, в небольшом доме. Она вышла к Руслану и Севе с мыльными руками, узнав, кто они такие, пригласила во двор, извинилась:

– Я тут стирку затеяла... Сейчас освобожу табуретки...

Посреди двора стояла круглая стиральная машина с облупившейся краской, которую давно пора было сдать в утиль, стояло корыто с водой, груды белья лежали на табуретках и старых стульях. Убрав с двух табуреток белье, она тщательно вытерла их фартуком, поставила перед Русланом и Севой:

– Садитесь. Что случилось?

– В «Южной ночи» живет Татьяна Фатеева. Она нас интересуется.

– Слава те, господи! – живо воскликнула женщина и перекрестилась. – Я уж думала, мой пацан натворил что! Ух, аж от сердца отлегло. А что с Фатеевой?

– Пока ничего страшного, – сказал Руслан. – По нашим данным, она ушла вчера вечером и до сих пор не вернулась. Это уже повод к беспокойству, так?

– Ну да, – согласилась женщина, но глаза ее были несогласными.

– Вы вчера дежурили. В чем она ушла?

– Э... в платье красивом.

– А цвет помните?

– Конечно. Платье такое... синее... блестящее. (Руслан переглянулся с Севой – именно такое платье было на второй убитой.) Она одевается хорошо, дорого. А красится как курва! Ой, простите...

– Ничего, ничего... – подбодрил ее Руслан. – Значит, платье синее, серебристое. Закрытое или открытое?

– Вся спина голая аж до... ниже поясицы. Она очень оголяться любит. Бывает, как вырядится... грудь наружу, трусы просвечивают... Тьфу, прости, господи! В общем, все делала, чтоб мужиков завлечь.

– А что еще на ней было? Держала она что-нибудь в руках?

– Держала. Сумочку без ручек типа косметички. Сумочка вся из камешков, таких... как в бижутерии, красивая сумочка. На шее у нее висели три цепочки золотых, одна с крестиком, вторая с кулоном... э... знак зодиака, а третья широкая, плоская. Еще на руке браслет был, золотой, точь-в-точь как широкая цепочка на шее. А, да! Еще кольца! Колец у нее... на некоторых пальцах по два! Все золотые. И часы, тоже золотые.

– У вас отличная наблюдательность, – похвалил ее Руслан. – Как вы только заметили все украшения?

– Да что тут замечать? Мы сидим, делать нечего, вот и наблюдаем за жильцами. К тому же она подходила ко мне, я ее хорошо разглядела.

– А серьги на ней были?

– Серег не заметила, потому что волосы Танька распустила. У нее каштановые волосы, крашенные, она их накрутила на бигуди и распустила. Но серьги у нее есть, и не одни. Эта Фатеева напялит на себя килограмм золота и на пляж прется. Зачем, спрашивается? Знаете, сколько в море утонуло золота? Да там, на дне, клад можно в розницу отыскать! Потом по два дня всем пансионатом ныряют, ищут. Не дорожат люди ценностями, потому что легко им достались.

- А о чем она с вами говорила, когда подошла? – любопытствовал Сева. – Случайно не сказала, куда идет?
- Вам подробно?
- Желательно, – сказал Руслан.
- Значит, было это в половине девятого вечера. Ужин у нас в восемь...

Лидия Михайловна читала книгу, поглядывая на отдыхающих, возвращающихся с ужина. Переворачивая страницу, она в очередной раз глянула на ленту коридора, убегающую вдаль, и не опустила глаза в книгу. Все шли в одну сторону, то есть по номерам расходились, а навстречу потоку плыла Фатеева, сверкая, как новогодняя елка. И приплыла к дежурной, которая встретила ее сладкой улыбкой:

- Ой, какая вы красивая... просто загляденье. На ужин ходили?
- Нет, – ответила Фатеева, встав перед дежурной и позвякивая ключом от номера. – Ужин сегодня я отдала врагу.
- Какому врагу?
- Так говорится: завтрак съешь сам, обед подели с товарищем, ужин отдай врагу.
- И куда же вы на ночь глядя идете?
- В казино.
- Вона как! В казино... – осматривая ее с нескрываемой завистью, проговорила Лидия Михайловна. – Не бойтесь? Вернетесь поздно, а у нас парк, ночью страшно.
- Я не одна буду.
- А с кем? – задала далеко не наивный вопрос дежурная, хотя выглядел он невинно. Так хочется знать, кто с кем шапши крутит. У самой в жизни интереса нет, так хоть на людей посмотреть, проникнуться их любовями, а потом кости перемыть с горничными.
- Вам все надо знать, – игриво прочиркала Фатеева.
- Не все, а про постояльцев желательно. Вдруг случится с вами неприятность, мы же помочь обязаны. Да не бойтесь, Танечка, я – сплошная могила.
- Со мной ничего не случится, не волнуйтесь. – Она наклонилась к ней и прошептала: – У меня пистолет есть, так что от неприятностей я защищена.
- Ой, – всплеснула руками дежурная. – Пистолет?!
- Что вы запаниковали? – рассмеялась Фатеева. – Пистолет зарегистрирован, документы я ношу с собой, и вообще он газовый.
- Понятно, – в который раз смерив ее взглядом с головы до ног, вздохнула дежурная. – Пиджачок прихватили бы, а то ночью уж холодно.
- Полагаю, мне будет жарко, – улыбнулась Фатеева.
- Ну, что за жар ее ожидает, Лидия Михайловна просчитала без дополнительных объяснений, потому что вычислила улыбку Таньки как большой намек на разврат.
- Ключик сдайте, – напомнила она.
- Фатеева на секунду задумалась, после чего положила ключ в сумочку:
- Я вернусь поздно, вы будете спать. Не хочу вас будить.
- Непорядок это, – не сдалась Лидия Михайловна. – Не положено уносить ключ с собой. Начальство нагоняй даст...
- Да бросьте, не узнает ваше начальство. Вот, держите.
- Она протянула сто рублей. Лидия Михайловна поколебалась, но купюру взяла и быстро спрятала в стол. За молчание платит Фатеева, это понятно, поэтому она с жаром завершила ее:

– Удобства клиентов для нас превыше всего. Идите, идите... Ох, и красавица... – Фатеева, виляя бедрами, ушла, а Лидия Михайловна плюнула ей в след: – Тьфу, выдра бессовестная! Страхолюдина, а туда же, куда и молодые...

Ничего не скрыла Лидия Михайловна, даже то, что стольник взяла у Таньки. У ментов, по ее мнению, работка не пыльная, майор так и вовсе с откормленной рожей, им не понять, какие она испытывает трудности. Раз есть дураки, которые швыряются стольниками, значит, деньги у них даровые, не горбом нажитые. Отчего же Лидии Михайловне не взять то, что они выбрасывают?

Откровенная неприязнь дежурной к курортнице не удивила Руслана и Севу. Отдыхающие бывают не слишком щепетильны, приезжают на юг со своим уставом – и далеко не идеальным, развращают местную молодежь, опять же цены взвинчиваются, поэтому аборигены их недолюбливают, несмотря на доходы от курортников.

– Простите, а почему она не сдала ключ? – спросил Сева. – По логике хранить у вас ключ надежно, чтобы не потерять.

– У них логика не ваша, – отмахнулась Лидия Михайловна. – Танька мужика надумала привести в номер. Вот зачем.

– А разве она не могла взять у вас ключ, когда придет, и заодно привести мужика? – не понимал Сева.

– У нас комнатуха есть, – терпеливо принялась объяснять Лидия Михайловна. – Не всю же ночь нам сидеть! Мы прячем ключи в стол, запираем их в комнатухе, сами ложимся на диванчик. Если жильцы возвращаются поздно, нас будят. Но мы-то чужих не пустим, потому многие не сдают ключи, ну, когда привести кого-то хотят.

– Значит, она решила привести чужого, – расстроился Руслан. То, что вторая убитая и есть Фатеева, он не сомневался – приметы совпали полностью. Но то, что убийца живет за пределами «Южной ночи», – это паршиво, его отыскать сложно.

– Со стороны редко приводят, в основном живут в родном коллективе, – успокоила его Лидия Михайловна. – Наши, из пансионата, не любят, чтобы их видели дежурные с любовниками. Приезжает большинство женатых, но без жен и мужей, естественно, распускаются, при том осторожничают, потому что люди сейчас подлые, от них жди всяких гадостей. А еще нашим постояльцам почему-то хочется порядочными выглядеть. Танька как раз из этих. Стольник зачем дала? Чтобы я глаза закрыла, если случайно увижу, кого приведет. Вот этого лицемерия я не люблю в курортниках. Но многие не стесняются шашни разводить, эти стольники не кидают, эти открыто живут.

– Сколько ей лет? – спросил Руслан.

– Да сорок, – презрительно бросила женщина. – Ну, не сорок, но тридцать семь будет, не меньше. И такая наглая, сама вешается на мужиков. А рожа... хуже, чем у меня!

Сева незаметно прыснул, низко опустив голову. Такой нелестный отзыв о себе кого угодно насмешит. Чего уж там, Лидия Михайловна далека от идеала. На вид ей за сорок, но это обманчивое впечатление, наверняка ей меньше. Но заботы, неуверенность в завтрашнем дне, нехватка денег и скверный характер наложили отпечаток на внешность, состарив ее раньше времени. Она изнывает от зависти ко всем, кто приезжает с набитыми бумажниками и швыряет деньги направо и налево, завидует красивым женщинам, которым, по ее мнению, не надо прилагать усилий, чтобы жить нормально, а достаточно продать себя с выгодой. Фатеева злила ее незаслуженным благополучием, ибо была не красоткой, а имела все, чего

душа хотела. Это несправедливо.

– С кем же Фатеева «шашни разводила»? – воспользовался ее выражением Руслан.

– Я же говорила: на всех вешалась, – возмущенно ответила она. – Есть у нас один мужчина... такой видный... Кириллом зовут, он с Севера. Так она ему прохода не давала, как последняя... завлекала. И так и эдак хвостом крутила.

– Завлекла?

– Про него не знаю, замечено не было. Наши горничные такое иногда видят... не приведи бог. Ну, совсем у людей стыда нет! Так вот, с этим, с Севера, Танька пока не замечена. А с другими...

– Их много было? – вставил Сева.

– Двоих точно видели у нее в номере. Один нашенский, Викентий, массажистом работает, несколько раз утром от нее выходил. Знаете, некоторые дамочки массаж в номер заказывают. И скажите на милость, что это за массаж с вечера до утра? Правда, он тоже кобель безотказный. Да мужикам простительно, так уж они устроены.

– А второй? – напомнил Сева.

– Второй из отдыхающих. Максим... фамилии я не всегда запоминаю, на кой черт мне их фамилии? Этот к ней потихоньку шастал, думал, не заметим. А они же у нас как на выставке.

– Скажите, эти трое, которых вы назвали, где были вчера?

– Затрудняюсь сказать. Кирилл приехал в пять, он уезжал на сутки в Краснодар и предупредил об этом. Уважительный человек! А когда вернулся, вроде бы из номера не выходил, в общем, ключ не сдавал. Викентия я вообще не видела вечером. А Максим... бегал туда-сюда. У них там компашка образовалась, в нее и Викентий входит, так они все время где-то бродят.

– Что за компашка?

– Из кого состоит? – уточнила она. – Две бабы и четыре мужика, Танька тоже к ним примкнула, когда эти две приехали, значит, она третья была. Горничная мне по секрету утром сказала, что Викентий у Лики из Питера уже побывал... с массажем, – ехидно произнесла Лидия Михайловна последнее слово. – А всего-то у нас она третий день! Вторая... Кристина. А из мужиков – Максим, Эдвард... откуда-то из Прибалтики. Третий, Егор, из Ставрополя. Ну, и Викентий с ними.

– А Кирилл? – напомнил Сева.

– Кирилл нет. Он особняком держится, но знаком со всеми.

– Что ж, спасибо, – сказал Руслан.

– Не за что, – махнула рукой дежурная. – Все ж таки скажите: что с Танькой стряслось?

Вы же не зря интересуетесь.

– Пока ничего не знаем, – поднялся Руслан. – Пропала. То есть не ночевала в номере и днем не пришла.

– Понятно. Понаедут к нам, приключений ищут на свою задницу! Нет, чтобы отдохнуть, в море поплавать, на солнце полежать, так им еще секс подавай в большом количестве!

– И что, все-все за сексом приезжают? – не поверил Сева.

– Не все, конечно, но большинство, – категорично заявила дежурная.

Ей видней. Руслан и Сева отъехали от ее дома, выбрали место у лесочка и остановились. Руслан открыл дверцу, чтобы свежий воздух влетал в салон, и задумался. Сева тихонько насвистывал, закатив глаза к потолку. Наконец пауза ему надоела:

– Долго торчать будем здесь? Ночь уже.

– Сколько надо, столько и проторчим, – отозвался Руслан. – Я думаю.

– Угу, Чапай думает. Поехали в пансионат?

– Нет.

– Почему? – Сева перевел на него удивленный взгляд. – Фатеева и наш труп – одно лицо, ты разве не понял? Она, то есть наш труп и Фатеева, одета была в платье...

– Знаю, во что она была одета, – бросил Руслан, повернувшись к нему корпусом. – Дай сформулировать мысль, елки-палки!

– Ну, формулируй, – пожал тот плечами. Помолчали. – Мне, значит, свои мысли нельзя высказать, так?

– Ладно, валяй, высказывай, – разрешил Руслан.

– Пока у меня созрела одна версия: убийство с целью ограбления. На Фатеевой висели гроздь золотая. А у второй... то есть у первой убитой разорвана мочка уха.

– Ну, допустим. Дальше что?

– Обыск надо сделать в номере, вот что! Ключ-то лежал у Фатеевой в сумочке. Возможно, убийца проник в ее номер, чтобы забрать остальные ценности. Лидия Михайловна говорила, что у Фатеевой полно было сбережений...

– Ну, это мы сделаем. Сейчас меня интересует, кто первая убитая, где она жила все это время. Но как это выяснить, я не знаю.

– Какая разница? Все равно это станет известно. Главное, мы знаем, кто вторая убитая. Осталось запротоколировать, что это Фатеева, а не другая тетка, для чего свозим на опознание тех же дежурных...

– Вариант в корзину.

– Почему в корзину?

– Я же говорил: до последнего будем действовать тихо.

– Тогда я не понимаю, как ты собрался раскрутить эти дела?

– Ну, не знаю! – вскипел Руслан. – Не знаю!

– Что ты сразу, как бомба, взрываешься? – в свою очередь взорвался Сева. – Нам сейчас надо по горячим следам опросить всех, кого назвала Лидия Михайловна. Те обязательно тоже расскажут подробности из курортной жизни Фатеевой, таким образом...

– Таким образом мы обеспечим себя всякими, – закончил Руслан. Сева невнятно пробубнил что-то под нос и отвернулся, очевидно, обиделся. Руслану пришлось сбавить тон: – Понимаешь, Сева, что-то мне не нравится в данных убийствах, а что – не пойму.

– Ты даешь! С чего это убийства вообще должны нравиться?

– Не пыхти, а выслушай. Убиты две женщины, срок короткий между убийствами, убивал не маньяк, это, надеюсь, ясно. Но убил один и тот же человек! Тут я верю Яловому на сто пятьдесят процентов. Теперь – его цель. Он снял с убитых ценности... Ну, да, да, я согласен, скорее всего это ограбление. Но он как-то заманил женщин, следовательно, был знаком с ними. Во всяком случае, с Фатеевой он был знаком, она шла к нему на свидание...

– Давай смотаемся в казино? Раз она была там, ее должны запомнить, соответственно запомнили ее спутника.

– Идея принята, – согласился Руслан, поворачивая ключ зажигания.

Круглая луна поднялась высоко, отражаясь в ряби моря, пересекая его широкой и нестройной дорожкой. Небо черное, как тушь. Впрочем, море тоже выглядело бездонной ямой, оно раскинулось впереди, слилось с небом в одно черное пространство. Звезды яркие и крупные, но разбросаны только по горизонту. Диск луны и вокруг него – огромное кольцо из рассеянного бледно-желтого света занимали почти весь купол над головой. Только несколько кораблей выдавали себя электрическими огнями, а из звуков – предупредительно шуршали камешки, которые трогала вода: «Чшшш! Чшшш!»

Алина и Кирилл шли молча, медленно по пустынному берегу. Она заметила, что он тонко чувствует ее настроение, поэтому не лезет с объятиями и поцелуями, это радовало. Значит, у него не атрофированы такт и элементарные человеческие чувства, что является сейчас редкостью, да и собеседник он приятный.

– Не устала? – в тон шуршанию воды у ног спросил он.

– Нет.

– А замерзла?

– Нет.

– Ты немногословная, я заметил.

– Говорят, немая женщина – золото, – усмехнулась она.

– Болваны так говорят. Мне нравятся умные женщины, с которыми интересно. Кстати, о золоте. В следующий раз, если пойдешь гулять по городу одна, сними украшения. А почему ты отправилась в машине на юг одна? Это опасно.

– Не одна. С подругой.

– Окунуться хочешь?

– Я не надела купальник.

– Голой купайся. Здесь людей нет, а я тебя уже видел.

Так, первый намек на постель уже есть. Он ее видел, значит, уверен, что увидит еще. К тому же Кирилл органично перешел к покровительственному тону, как будто знакомы они всю жизнь и с горшка между ними были близкие отношения. У мужиков потрясающая способность превращать в собственность все, к чему они случайно прикоснутся. Алина подумала, что надо было сразу «окатить» его двумя детьми, может, сбежал бы. Но как тогда остаться наедине с собой? М-да, Алине любой вариант не по нраву. Может, она зануда, вредная гримза, которой не угодишь, как ни старайся?

– А я окунусь, – сказал Кирилл, раздеваясь.

Он разделся донага (раз и она его видела, чего стесняться-то?), с разбегу нырнул в море, затем вынырнул. Хотя Алина не видела его, но по фырканию поняла, что он уже на поверхности.

– Алина, море теплое, – крикнул Кирилл. – Вода светится, видишь?

– Не вижу, – откликнулась она с берега.

– Иди сюда! Это надо посмотреть! Как северное сияние, только в воде. Ух, здорово!

Он так соблазнительно говорил, что Алина решительно сбросила платье и белье, шагнула в воду. Она показалась холодной, а черная бескрайность манила, звала. И вдруг Алина ощутила себя маленькой девочкой, какой была в детстве. О, сколько счастья она испытывала, когда приезжала с родителями на Черное море! Из воды ее никакими силами

невозможно было выманить. Только восторг наполнял ее, оттого что есть эта громада прозрачной и синей воды, которая принадлежит, казалось, тебе. Алина визжала и без конца ныряла в воду, а мама зорко следила за ней с берега, стоя под зонтиком. И сейчас Алина взвизгнула, как в детстве, и бултыхнулась в воду. Тело обдало холодом, но уже через минуту вода приятно ласкала. Алина поплыла, перевернувшись на спину и слыша частые гребки Кирилла: он подплыл к ней.

– Теперь смотри, – сказал он, вспенивая воду.

Вдоль его рук тянулось зеленовато-синее сияние, затем множество светящихся и мельчайших точек переливались, отсвечивая всеми цветами радуги, а потом гасли в воде.

– Ой! – воскликнула Алина. – Почему это? Как красиво!

– В августе и в начале сентября в море размножаются какие-то микроорганизмы, они и светятся, когда их тревожишь.

– Я никогда не купалась ночью.

– Да? – Он положил на голову Алины руки и погрузил ее под воду.

– А Люба пластичная, – выпустив струю дыма, сказала Кристина. Она уже научилась держать сигарету, как держит Лика, научилась курить элегантно.

Лика повернулась корпусом к пятаку в центре зала, на котором танцевали несколько человек, но все без исключения смотрели на Любочку. А уж она старалась произвести впечатление: извивалась в легком платъице, вертелась и дергалась в такт ритмичной музыке, как гибкая ящерка. Максим был под стать Любочке, скакал, будто бес в него вселился, зато Эдвард скромно пританцовывал рядом. Лика повернулась к Кристине и подытожила увиденное:

– В племенах научилась дикарским припадкам. Не эстетично.

– Ты несправедлива, – возразила Кристина. – Она хороша. Все мужики облизываются, глядя на нее. Странно, что мадам от науки такая раскрепощенная. Мне они представлялись очкастыми кикиморами, которым, кроме науки, ничего не нужно.

– Исключения подтверждают правило. Собственно, для чего существует танец? Чтобы сблизиться с партнером. Мне по нраву медленные танцы, когда партнер прижимается к твоему телу. Его и мои биотоки встречаются, от этого происходит взрыв внутри, кровь закипает, а наши руки импульсивно сжимают тела. В какой-то момент мы понимаем: это многообещающая прелюдия. Вот для чего нужен танец. В конце концов, мы не балерины, чтобы ишачить на публику, а Любовь пашет на народ в баре.

– Откуда ты знаешь? Вдруг она кадрит Эдварда или Максима?

– Не думаю. Взгляни на нее. – Лика теперь повернула лишь голову к танцующим и продолжила комментировать: – Да она даже не смотрит на партнеров. Волосы растрепаны, лицо горит, погружена в себя. Ей сейчас важно произвести впечатление на всех, а не на кого-то одного. А когда танцуешь для определенного человека, он все равно становится эпицентром. Кстати, Кристина, ты определилась с кандидатом на ночь?

– Нет.

– Тогда начни с Вика. Он неплохо владеет техникой. Только не забудь сунуть ему пятьдесят баксов, это освобождает от всяких последующих посягательств. Лично я за хороший секс кидаю сотню. Но если у тебя нет таких денег...

– У меня есть деньги, – поспешила сказать Кристина, смутившись от слов подруги. – Как-то неудобно платить мужчине... а он возьмет?

– Что? – фыркнула Лика. – Не смейся. Конечно, возьмет. А ты при этом можешь послать его в любой момент.

– Ты всем парням собираешься платить?

– Нет. Остальные нуждаются не в деньгах, а в сексе.

– Может, с Эдварда начать? Он такой респектабельный. Прибалт.

– Какой, к черту, прибалт! Он из Калининграда. Впрочем, это одна смесь. А чем Эдвард привлек тебя? Он же сухарь, постоянно молчит. Его пока раскочегаришь, времени уйдет куча. Ну, если хочешь его, попробуй. А я возьмусь... за Егора.

– Егор? Он как от сохи прибежал. Кондовый.

– Мне хочется от мужчины чего-нибудь натурального, земного. Наши мальчики, к сожалению, – это мифические образы, они стараются выглядеть в соответствии с нашими представлениями о мужчинах, в общем, играют роли. Знаешь, Танька познакомила меня в день приезда с одним... Кириллом зовут, он откуда-то с Севера. Занесет же людей нелегкая! Так вот в нем есть загадочная простота, которая меня привлекает.

– Простота разве бывает загадочной?

– Она всегда загадочная, – поучительно сказала Лика. – Ведь ты не знаешь, что скрывается за простотой. Может, это безбрежный темперамент, о котором ты мечтаешь, или волшебная нежность, которая несвойственна современным мужчинам.

– Чем же тогда Кирилл лучше наших мальчиков? – недоумевала Кристина. – По твоим словам выходит, что он тоже играет.

– Э, нет. Разницу легко распознать. Наши мальчики работают на наше представление о них. Вспомни, с первой же встречи они старательно пытаются понравиться нам. А Кирилл не преследует такой цели. Только он исчез, но сегодня я встретила его в парке. Короче, займусь им, однозначно, потом тебя познакомлю. – Лика вытянула шею, выискивая у стойки бара Егора. – От сохи, говоришь? Запомни: разнообразие полезно. Это как сидеть на изнурительной диете – через месяц сдохнешь от дистрофии. Между тем разнообразная еда доставляет не только удовольствие, но и делает тебя цветущей. Разнообразный секс имеет те же преимущества.

– Тихо, идут! – предупредила Кристина.

Лавируя между столиками и держа по несколько бокалов в руках, шли Викентий и Егор. Осторожно поставив бокалы, они сели на стулья и уставились на Любочку.

– Здорово пляшет, – выразил восторг Егор.

Закончился танец, раздались нестройные аплодисменты, предназначенные Любочке. Пылая от удовольствия, она подлетела к столику, упала на стул и принялась поправлять волосы, облепившие вспотевшую шею.

– Ты прелесть, – сказала ей Лика обидным тоном. – Правда, так можно умереть на танцевальном плацу. Не жалеешь ты себя, Люба.

– Танец – одна из форм релаксации, – часто дыша и обмахиваясь салфеткой, сказала Любочка. Но тон взяла чуточку надменный, а то Лика вообразила себя центром вселенной, иногда и ей полезно столкнуться с таким же высокомерием. – В человеке скапливается множество зарядов – положительных, отрицательных и нулевых. Последние – это так называемые заряды равновесия, они держат психику человека в умеренном покое, который необходим, чтобы сублимировать положительные и отрицательные заряды. Нулевой заряд, случается, переходит в отрицательный, если человек переполнен негативными эмоциями. Тогда изменяется баланс в человеке, он заболевает. Поскольку все заряды оказывают влияние

на субкортикальный раздел головного мозга, то есть подкорку, заболевания связаны с психическими расстройствами. В этом смысле ритмичные танцы способствуют сбрасыванию части негатива, отчего становится легко. Я до этого сама додумалась, когда наблюдала в Латинской Америке пляски шаманов. Кстати, я договорилась с журналом, где напечатают об этом мою статью в ближайшем номере. (Данная ложь уже не имела порядкового номера, так как Любочка сбилась со счета, сколько раз за сегодняшний день упоительно врала.) В индейских племенах Южной Америки интересные танцевальные традиции. Раньше шаман, исполняя ритуальный танец, брал на себя отрицательные заряды и... умирал в конце! Его предназначение было – освободить племя от агрессивности, значит, и от болезней.

– Какой ужас, – покривила тонкие губы Лика. – Апробируем теорию на себе. Егор, а не сбросить ли нам часть негатива?

– С удовольствием! Но я не умею так, как Люба.

– Мы просто подвигаемся. А Вик хочет пригласить Кристину.

Викентий с готовностью поднялся, предложил руку Кристине. Та встала и вышла на середину небольшого пятка между столиками, исподволь наблюдая за Ликой. О, Лика! Таких женщин мало. Кристина слегка завидовала: и умению заставить всех выполнять ее капризы, и умению подать себя, и отношению к жизни. У Лики поразительная способность подчинять людей, превращать их в добровольных слуг. Делает она это нехотя, с томной ленью и одновременно обворожительно. А ведь красотой не блещет! Кристина поддалась влиянию Лики, потому что сама мало что умеет, во всяком случае, главенствовать ей никогда не удавалось.

Но как рассказать Лике, что муж бьет ее? Она же поднимет на смех, мол, ты позволяешь какому-то выродку колотить себя? А что делать? Он страшно ревнивый, переживает, что Кристина не может родить ребенка. Какой уж тут ребенок! У него и так есть двое детей от первой жены, хватит. Да и страшно, вдруг он бросит ее, что тогда делать одной с ребенком? Кристина ничего не умеет, как тогда жить? Существовать на копейки, которые изредка подбросит муж? А если он не будет давать достаточно денег? Пардон, пусть безмозглые идиотки возьмется с детишками, считают копейки, пашут на работе. К тому же и без ребенка Кристины в мире перенаселение, а нищета – не слишком большая заслуга в жизни. Нет уж, она мечтает посмотреть мир, сногшибательно одеваться, носить украшения, ездить на шикарной машине. Неужели это преступление? Тогда пусть кто-нибудь объяснит – почему преступление? Неужели абсолютно всем надо рожать детей, стоять у плиты, работать, как лошадь, за нищенскую зарплату? Ради собственного благополучия Кристина потерпит садистские наклонности мужа. Да и у кого нет недостатков?

За две недели отдыха на Черном море без мужа придется расплатиться синяками, несмотря на то, что он разрешил ей поехать на юг одной, дал кучу денег. Он всегда так делает: разрешает, а потом лупит. Когда она приедет, будет большой скандал с рукоприкладством. Но Кристина пошла на это, потому что решила хоть раз в жизни оторваться. Пусть уж кулаки и синяки будут заслуженными. А то ведь бьет ее ни за что. Подруги уговаривали бросить его, но Кристина никогда не пойдет на это. Ну, потерпит немножко, недели две куда из дома не выйдет. Зато после он везет ее в лучшие магазины и покупает все, на что укажет жена, становится ласков, ужинают они в ресторанах, занимаются любовью... в общем, идиллия. Длится идиллия недолго, потом снова муж впадает в злобу, которая копится-копится и вырывается в виде кулаков, обрушивающихся на

Крестину. В такие периоды они не занимаются любовью, а это дополнительные неудобства, потому что Кристина – на редкость темпераментная женщина.

Муж любит ее, в этом нет сомнений. Недаром в народе бытует мнение: не бьет, значит, не любит. Просто бизнес – штука тяжелая, отражается на нервах, и Кристина это понимает, а также принимает свою участь. К тому же есть намного хуже мужики, уж Кристине это известно. Любит ли она мужа? Привыкла к нему – это точно. Но разве существенно – любишь или привыкла? Эти понятия мало чем отличаются, по мнению Кристины. Сама по себе любовь – дело хлопотное, не всегда разумное, часто приносит страдания (по подругам знает), поэтому Кристина предпочитает привычку и разум. Привычка помогает сносить истерики мужа, а разум не дает сделать глупость. В этом вопросе они похожи с Ликой – обе умно распорядились собой. Так что Кристина довольна. Но легкий роман во время отдыха не помешает и восстановит справедливость. Нет-нет, это не назло мужу, просто ей действительно не хватает ласки и обожания.

Она снова взглянула на Лику. О, Лика уже обвила бычью шею Егора, а он держит руки ниже ее спины. Пора и Кристине братья за Вика. Она заглянула ему в лицо, улыбнулась, затем, уткнувшись лбом в его грудь, тихо пролепетала:

– У тебя волшебные руки.

– Я же массажист, – сказал он и провел ладонями по спине Кристины, отчего она слегка задрожала.

– Ах, да, – пробормотала Кристина и смелее прижалась к нему, обхватив шею руками, как это сделала Лика. – Массаж... я не очень люблю, когда терзают мое тело.

– Тебе попадались плохие массажисты.

– Да? Тогда докажи, что есть другие. – Лицо залила краска, к счастью, незаметная на смуглом лице. А ведь впервые в жизни Кристина намекнула постороннему мужчине, что хочет его.

– Когда желаете? – обдал он горячим дыханием ее затылок.

– Хоть сегодня, – отступить было некуда. – После бара.

– Забито.

Кристина вернулась за стол разгоряченная и взбудораженная.

– Мальчики, вы не знаете, куда делась наша Танечка? – вдруг вспомнила Лика. – Вчера она не была на ужине, сегодня весь день не появлялась...

– Ой, зачем она тебе нужна? – заворчала Кристина, невзлюбившая Фатееву за ее плоские шутки и откровенные приставания к парням. У некоторых женщин есть отвратительная черта: не стесняются лезть в штаны к мужикам. Да еще при всех! И выдают свое поведение за жирный плюс, мол, я – свободная от комплексов и раскрепощенная. Такие бабы роняют не только свое достоинство, но и достоинство остальных женщин. Однако вслух Кристина высказала свое мнение по поводу Танечки мягче, чем думала: – Не люблю женщин, занимающихся бизнесом. Они становятся вульгарными и грубыми.

– Потому что дело имеют с такими же вульгарными и грубыми мужиками, – поддержала подругу Лика. – А у нашей Танечки есть еще небольшие проблемы со вкусом. Я видела ее в таком наряде... просто гирианда! Кстати, это же вчера было. Ну да! После ужина она, блестя, как бижутерия, куда-то очень торопилась.

– Точно! – подтвердил Максим. – Я тоже видел, как она бежала, подворачивая ноги на шпильках, через парк. Друзья мои, а пить-то будем? Лед растаял.

– Эдвард, – потянулась к нему Лика, как потягивается кошка после сна, и тронула его за

руку. – Будь другом, принеси лед.

Эдвард неторопливо двинулся исполнять приказание. В который раз Кристина позавидовала Лике: она наметила Егора и одновременно флиртует с Эдвардом. Как ей удается так ненавязчиво... навязывать себя?

Вопреки предположениям Кристины Эдвард, который якобы спекся от одного прикосновения Лики, пригласил на танец Любочку. Странно, ученая мартышка никого не завлекала, а на нее и Максим поглядывал плотоядно. Но Викентий дарил загадочные взгляды только ей, Кристине. Она мечтала поскорее попасть в номер.

Приехав в казино, Руслан вызвал Клариссу и попросил узнать, не видел ли кто из obsługi Фатееву. Почему он так осторожничал, а не разузнал этого сам или не послал Севу? Без удостоверения не станут давать информацию, но и с удостоверением далеко не каждый откроет рот. Убийца мог заходить в казино не раз, возможно, он с кем-то познакомился из обслуживающего персонала. Если он вчера был здесь с Фатеевой, то его непременно предупредят, что ментовка интересовалась им и его спутницей, поскольку клиентами здесь дорожат. А Кларисса работает в казино – она хореограф, здесь танцуют ее девочки, но сама не общается с клиентами, даже не появляется в залах, следит за танцорами из укрытия. Ее расспросы о знакомой ни у кого не вызовут подозрений.

Кларисса выбежала из казино, села в машину.

– Ну? – нетерпеливо спросил Руслан.

– Значит, так, – начала отчет она. – Я подходила к бармену, к крупье и вышибалам. Вашей женщины вчера никто из них не видел в казино.

– Ты приметы все перечислила? – засомневался Руслан.

– Женщина примерно тридцати семи лет с каштановыми волосами ниже плеч, – перечисляла приметы Кларисса, – в сине-серебристом платье с оголенной спиной, с сумочкой из стразов в руках и в золотых украшениях... я правильно назвала приметы?

– Точно, как в аптеке, – подтвердил Сева.

– Я могу идти? – спросила Кларисса. – Сейчас начнется шоу.

– Конечно, – сказал Руслан. Она вышла из авто, и вдруг он кинулся за ней. – Кларисса! Постой, – пошептавшись с ней, вернулся.

– И что у тебя за секреты от меня? – строго любопытствовал Сева.

– К делу наши секреты не относятся, – отговорился Руслан. – Значит, Фатеева не попала в казино. А Яловой как в воду глядел.

– А что тут глядеть? Танька из воды и выплыла.

– Вот и я о том же: убийца сыграл на доверии, Фатеева была уверена в нем, поэтому согласилась на прогулку к морю перед посещением казино. Интересно, где она с ним познакомилась?

– Где угодно.

– Где угодно? – скептически переспросил Руслан. – Я так не думаю. Доверие, Всеволод, не вызовет первый встречный. Это кто-то из «своих». Либо из «Южной ночи», либо из пансионатов и домов отдыха рядом. – Он достал мобильник, набрал номер. – Алло? Вас беспокоит начальник уголовного розыска. Фатеева вернулась?.. Спасибо.

– Не вернулась? И не могла вернуться. Из морга дорога одна: на кладбище.

– О, – взглянул на часы Руслан. – Пора по домам. Я отвезу тебя...

– Не узнаю вас, Руслан Шалвович, с каких пор вы стремитесь домой попасть? – съязвил

Сева. – А думать кто будет?

– У меня есть ночь. И у тебя.

– Много! – хмыкнул Сева.

– Надо что-то придумать, иначе этот товарищ смоемся.

Он отвез Севу и рванул к Клариссе в казино.

– С ума сошел? – вынырнув, возмутилась Алина. – Я едва успела набрать воздуха!

– Успела же! – хихикнул Кирилл. – Ух ты! Твои волосы светятся!

– Взрослый человек, а ведешь себя... У тебя глупые шутки.

Кирилл погрузил ее под воду второй раз. Вынырнув и отплевавшись, Алина с угрозой взвизгнула:

– Все, ты утопленник!

Ловко выпрыгнув из воды, она обрушилась на голову Кирилла, затем оттолкнулась от него и поплыла на скорости, какую могла себе позволить. Только он оказался отличным пловцом, быстро нагнал ее и утопил. Алина схитрила: поплыла под водой, где Кирилл не мог ее найти при всем желании.

Она плыла долго, наслаждаясь дивной водой, плотно обтекавшей тело. Никогда она раньше не замечала, что вода плотная и держит сама. Алина открыла глаза. Сплошная темнота не испугала ее, а дала ощущение космического пространства, и уж совсем неожиданно нахлынуло ощущение гармонии. На минуту Алина отключилась от жизни на поверхности. Ты одна в бесконечном пространстве, ты и бездна, которая отделила тебя от всего человечества и показала совсем другую твою сторону – сильную. Именно силу в себе с каждым гребком рук ощущала Алина. Наверное, есть те, кто бросается в эту бездну, чтобы навсегда покинуть тот мир, наверху. Но Алина ощутила непередаваемое желание жить. Да, есть бездна и ты, человек, капелька в ней. Но капелька, умеющая мыслить и понимать многое, значит, важная, для чего-то рожденная. Наверняка Алина родилась не для того, чтобы покорно сносить унижения и обиды, а чтобы жить, радоваться, что-то делать. Но для этого нужно потрудиться, изменить себя, заслужить право на счастье. Что-то не то делала Алина, не так, поэтому и живет так никчемно. Как ни странно, бездна дала ей не только силы, но и наполнила надеждой, что Алина способна противостоять невзгодам. Впрочем, под водой и в темноте невзгоды показались мелкими неприятностями, не стоящими ни одной слезы. Все, что с ней было, – преходяще. Алина плыла и знала: будет не так, как раньше, а по-другому, лучше, правильной. Когда без воздуха больше не смогла обходиться, она осторожно вынырнула и огляделась.

– Алина! – панически звал ее Кирилл. – Черт! Алина! Ты где? – Всплеск воды... пауза... затем снова всплеск и фыркание. Алина рассмотрела его голову между лунными бликами и тихо рассмеялась. Глупый Кирилл ныряет, пытаясь отыскать ее в черноте. Он закричал на весь берег: – Алина!

– Я здесь. – Она не стала мучить его, а то еще утонет от ужаса, вини потом себя.

– Где? Где ты?

Она поплыла ему навстречу, почувствовав его руки, схватившие за плечи, зависла, перебирая ногами.

– Ты сумасшедшая, – буркнул он. – Нельзя же так пугать.

– Там, внизу, совсем другой мир. И так тихо... таинственно...

– Надеюсь, тебе не захотелось там остаться?

– Нет, – звонко рассмеялась Алина и вдруг осеклась. Уже несколько лет она не смеялась, забыла, как это делается. Не смеялась и на концертах, где состязались в остроумии сатирики. Вежливую улыбку натягивала при встрече со знакомыми, но смеяться... Может, это

выздоровление? Пока она раздумывала над скорыми переменами в себе, Кирилл прижал ее к груди. Алина снова рассмеялась, уже без причины. – К сожалению, остаться внизу невозможно. Но признаюсь, меня тянуло в глубину.

– Поплыли, а то мы удалились от берега.

Алина перевернулась на спину и плыла, глядя в небо. Ночь, луна...

– Господи, как хорошо... – вырвалось у нее.

Она встала на колючие камни дна и подставила лицо луне, прикрыв веки. Казалось, что от луны идет ласковое тепло, которое легонько прикасается к коже и приносит потрясающий покой. Особенно удивительно, что Алина – как будто и не Алина, а совсем другая женщина. Недавние злость и отчаяние куда-то исчезли, может, их забрало море и утопило в своей глубине? Без них так свободно! Да разве можно оставаться несчастной среди потрясающего величия, где есть место и Алине? Она правильно поступила, приехав сюда. Словно некто невидимый специально гнал ее в этот город, где Алина обретет себя, всего лишь побывав две минуты под водой.

Вкус соли на губах... приятный, горячий, влажный... Соль не может быть горячей... Алина открыла глаза. Прямо перед собой она увидела лицо Кирилла, на котором задержались лунные блики. Это его губы, горячие и соленые от морской воды. Губы Кирилла. Их целует Алина. А как получилось, что она обняла его? Не помнит. Не собиралась этого делать, он же первый встречный! Алина хотела отстраниться от него, но держал он крепко, что-то шептал, кажется, ее имя... Ее имя шептали само море, воздух. И свечение вокруг от малейшего движения завораживало, сотни микроскопических фонариков задержались в волосках на коже, гасли, а потом, когда вода попадала на тело, вспыхивали вновь. Нежный шепот Кирилла и шепот воды перемешались, Алина их плохо различала. И кто ее ласкал – море или руки Кирилла? Тоже плохо понимала, в голове – один туман. Проносились мысли, что похоть – это нехорошо, грязно, и так Алина опустила ниже всяких норм, но мысли не задерживались, мчались мимо, мимо...

А стоит ли думать, когда так хорошо? Все равно между ними все было и пусть будет еще, именно сейчас. Потому что Алине необходимо освобождение от всех условностей даже таким азбучным способом. Может, в эту минуту она начинает все с начала? Жажда мести изжила себя, злость не требует удовлетворения, а мир вокруг повернулся неожиданными гранями, он уже не казался безнадежно гнусным.

Алина и Кирилл выбежали из моря, держась за руки и дурашливо смеясь. Она чувствовала, что способна взлететь, но... А где одежда?! Кирилл остановился, оглядываясь по сторонам, Алина тоже. Одежды нет.

– Может, мы потеряли ориентиры? – робко, боясь поверить в случившуюся катастрофу, спросила она. – Бывает, даже днем, когда плаваешь, тебя относит течением.

– Бывает, – угрюмо согласился Кирилл, продолжая изучать берег.

Одежда на обоих была светлая, а платье на Алине вообще белое, белая сумочка, белые босоножки. Луна неплохо все вокруг освещает... Кирилл пошел вдоль берега, каждый светлый предмет привлекал его внимание, он подбегал к нему. Но одежду не находил. Вскоре паника завладела обоими, они носились взад-вперед, наконец, Кирилл, споткнувшись о какой-то предмет, сказал:

– Все, Алина, нашу одежду увели.

– Боже мой, – прикрыла в ужасе ладонью рот она. – Как же мы?.. Может, плохо искали? Давай еще пройдемся по берегу...

– Не стоит. – Он нагнулся и поднял кроссовки. – Вот что осталось от нашей одежды, мои кроссовки. Грабители или потеряли их, или не взяли, чтобы мы попусту не бегали по берегу. Ублюдки!

Он сел на камни, рядом присела Алина, обняв себя за плечи. На воздухе стало прохладно, она ежилась.

– Что же делать? – всхлипнула Алина.

– Сейчас отойду от злости и что-нибудь придумаю.

– Придумай! Пожалуйста, придумай... Если хочешь ругаться, давай, не стесняйся, но придумай что-нибудь...

– Не паникуй. – Он обнял ее. – Замерзла?

– Не знаю. Как я появлюсь в гостинице голая?

– По-твоему, я одетый? Черт! У меня в бумажнике документы... паспорт. Без паспорта я не улечу. Хорошо хоть денег взял немного. Ну, узнаю, кто нас...

– Ай! – вскрикнула Алина. – Сумочка! Моя сумочка! У меня там тоже паспорт! Телефон... водительское удостоверение...

– Так... Значит, мы теперь никто. Завтра заявим в милицию.

– А сегодня? Что нам сегодня делать?

– Надевай кроссовки.

Алина послушно сунула ноги в кроссовки...

– Они мне велики. У тебя какой размер?

– Сорок шестой. Извини, других нет. По каменистому берегу ты разобьешь ноги в кровь. Надела? Пошли.

– Куда? – засеменяла она следом, шаркая кроссовками, нормально поднимать ноги не могла – обувь спадет. – Кирилл, куда мы идем?

– В пансионат, где я живу.

– А как туда придем? Голые?

– Алина, в городе мы не можем появиться, нас арестуют за аморалку или сразу в дурку сдадут. Согласись, голыми ходят по улицам только шизики, да и то редко. Остается один вариант: пробраться в дом отдыха. А уж там я как-нибудь...

– Это далеко?

– Не близко. Но зато добраться можно по берегу, не заходя в город. Так что наберись терпения. Давай руку.

Они шли часа два, если не больше. Иногда приходилось входить в море, чтобы обогнуть скалистые выступы, вставшие на пути. Идти через лес не решались – и темно, и неизвестно, какая там дорога. Алина безумно устала, все равно стерла ноги, замерзла, периодически чихала.

– Как холодно... – выговорила она.

– А ты представь, что мы первобытные люди и холод нас не берет.

– На них были шкуры, – возразила плаксиво Алина. – В шкуре тепло. Я хочу отдохнуть. Давай постоим? Ну хоть немного?

– Нельзя. Ты совсем замерзнешь.

– А тебе разве не холодно?

– Нет. Я могучий северянин. Идем, Алина, идем, и быстрее, иначе схватишь воспаление легких. Найду, кто нас ограбил... в асфальт укатаю! Ну, взял бабки и отвали! Зачем же одежду забирать, документы? Ничего, они у меня носом землю вспашут! Пожалуют, что на свет

появились!

Наконец они попали на территорию «Южной ночи», вышли на пляж. Здесь было светлее – горели фонари, но, как оказалось, не безлюдно. Заслышав сопение, явно человеческое, оба тихонько побрели на звуки. Вдруг Кирилл остановил Алину рукой. Они забежали за раздевалку, выглянули оттуда. На деревянном лежаке парочка занималась любовью, накрывшись одеялом.

– Д-д-д... – стучала зубами Алина. – Почему они не в постели?

– Приспичило на свежем воздухе, – пробормотал Кирилл. – Нам тоже приспичило в море... у всех свои завихрения. Стой здесь, я сейчас...

– Т-т-ты украсть одежду соб-бираешься? – задержала она Кирилла, схватившись за него руками.

– Попрошу! Стой, и ни звука. Не вздумай чихать, а то поднимут панику. Представляешь, если сюда сбегутся? А мы – в чем мама родила. Мне не хочется, чтобы меня обозревали со всех сторон.

Кирилл на цыпочках подбежал к парочке, поискал одежду, но не нашел. Жаль, а то бы стащил потихоньку, потом так же тихонько вернул бы. Видимо, любовники кинули одежду на лежак, чтобы мягче было. Он присел возле них, прикрыв руками низ живота:

– Извините, можно вас отвлечь?

– А! – завизжала женщина, судорожно натягивая одеяло на головы себе и партнера, в результате стали видны голые ноги.

– Тебе чего? – прорычал мужчина под одеялом.

– Вы не могли бы одолжить мне брюки? Мою одежду украли...

– Вали отсюда, козел! – негодуя, рявкнул мужчина.

– Да поймите! – почему-то шепотом убеждал Кирилл. – Мы замерзли. Я ненадолго возьму, сейчас же принесу обратно. Только в номере заберу свои вещи...

– Я сказал: вали! – свирепо повысил голос мужчина, откинул одеяло и намерен был встать с женщины, которая прятала лицо.

Кирилл отскочил назад, понимая, что в состоянии прерванного кайфа даже карлик способен его уничтожить.

– Ладно, ладно, – отступал он. – Продолжайте, не буду вам мешать.

Он вернулся к Алине, взял ее за руку и потащил к корпусу, в котором жил. По дороге Кирилл подходил к растениям, но, разочарованно вздыхая, шел дальше.

– Что ты ищешь? – спросила Алина.

– На картинах я видел листочки, прикрывающие... это самое место. Короче, я ищу что-нибудь типа фигового листочка.

– Как ты его прицепишь? Апчхи!

– Вот и я думаю: а как этот самый фиговый листок держался? – Кирилл даже остановился, настолько его занимала проблема фигового листа на картинах. – Может, его клеем приклеивали?

– По-моему, это выд-д-думка художников, чтобы приличней было, – ответила Алина, дрожа от холода, как осиновый лист. – В те времена и клея-то не было.

– А смола с деревьев? Смола же была? Была!

– Кирилл, умоляю! Потом выясним, как д-держался лист. Я сейчас умру от холода.

– Прости. Подождешь меня в беседке. Я оденусь и принесу тебе одежду.

– Я б-б-боюсь... оставаться... од-дна. Апчхи!

– Думаешь, брошу тебя? Обижаешь.

– Извини. А как ты явишься в... в...

– Обыкновенно. Алина, иди в беседку, я скоро.

Она юркнула в белую ротонду посреди цветов и присела на корточки. Кирилл изучил растения, сорвал большой цветок в форме метелки, кинул взгляд на ротонду и решительно ринулся в корпус. Он открыл дверь, которая, к счастью, не была заперта, подошел к комнате дежурной, постучал в окошко. Она сонно что-то пробормотала...

– Ключ дайте от номера двести шестнадцатого.

– Вот полуночники... – проворчала дежурная, зевая и поднимаясь с дивана, который адски заскрипел. – Сейчас. И чего вас носит среди ночи?

Она вышла к нему и... разинула рот, как Родина-Мать на Мамаевом кургане. Глаза дежурной за долю секунды вытянулись в вертикаль, излучая ужас, словно перед ней стоял не мужчина (правда, совершенно голый мужчина, прикрывающий причинное место цветочной метелкой), а огнедышащее исчадье ада. Какой там ключ, который она держала в руке! Дежурная забыла про ключ и – что совсем несуразно выглядело – глупо кивала головой. Кирилл догадался – в холле ведь полумрак, – что дежурная не кивает, а рассматривает его обнаженную фигуру сверху вниз, потом снизу вверх. С каждым кивком все ее существо наполнялось жутью, она явно восприняла голого Кирилла за насильника, который вот-вот должен кинуться на ее дряблое тело. Он взял ключ, поблагодарил:

– Спасибо. Да, я голый! Голый! Купался в море. А мою одежду в это время стащили. Что же, мне утопиться теперь? Извините за беспокойство.

Он повернулся спиной, цветочек переместил на зад и чинно двинулся в номер. В корпусе было тепло, это подействовало расслабляюще. Захотелось рухнуть в постель и заснуть, забыв о кошмаре. Но в беседке мерзла Алина. Кирилл мигом оделся, прихватил кое-что из своих вещей, взял деньги, которые наверняка понадобится сунуть в пасть дежурной, чтобы та не возражала против появления Алины, и спустился вниз.

– Вы куда? – Дежурная словно караулила его.

– На поиски грабителей, – огрызнулся он.

Алина безумно обрадовалась его возвращению, стуча зубами от холода, надела джинсы, рубашку, свитер и носки. Все было страшно велико, но в данную минуту Алина пошла бы даже на великосветский прием в этой одежде.

– Готова? – спросил он. – Пошли ко мне.

– Я хочу в гостиницу. Подруга весь город поднимет... Умоляю тебя, давай поедem в гостиницу? У меня хороший номер...

– Алина, сейчас три часа ночи. Мы не найдем такси. А у меня в номере коньяк, тебе необходимо согреться. Да и мне тоже. Идем.

Ничего не оставалось делать, как плестись следом за Кириллом.

– Куда? – встретила их дежурная, подбоченившись. Ну, точно караулила. – Посторонним вход воспрещен!

Кирилл пошептался с ней, сунул деньги и провел Алину. В номере она кинулась к телефону, конечно, разбудила Галку.

– Алина! Где вы? – завизжала та.

– У знакомых. Извини, раньше не могла сообщить. Как дети?

– Спят. Алина, так же нельзя! Я волновалась...

– Все, я спать хочу. Завтра утром приеду.

Кирилл налил коньяк, протянул ей стакан. Она взяла, покривилась, ибо предстояло выпить половину, а такими дозами она не пила ни разу в жизни.

– Ты пей залпом, – подбодрил ее Кирилл. – Отличная вещь, сразу согреет.

Алина мужественно выпила, глаза ее сразу сфокусировались в одну точку, она задохнулась. Вместо закуски он сунул ей в руки второй стакан с водой, так как закуски у него не было. Алина выпила воду, захлебываясь, потом долго морщилась, как от кислоты, и передергивала плечами. Мгновенно ее разморило, стены закачались, она повалилась на кровать. Кирилл накрыл ее одеялом, выпил сам и лег рядом, потеснив Алину. Кровать не была предназначена для двоих, тем не менее это – желанная кровать. И желанное тепло. Они заснули почти одновременно.

Руслан отвез утром сына в школу, как обещал жене, и поехал на работу. В кабинете открыл окно, курил, думая. А думы раздваивались. То он анализировал вчерашние опросы, то возвращался мыслью к жене. Руслан привык думать в одном направлении, в основном по работе, бытовые мелочи его не интересовали. Наверное, это ненормально, потому что человек обязан заботиться о семье, достигать так называемого благополучия. А у него это никогда не получалось, дома бывать он не любит, однако свыкся. Руслан считал себя стабильным человеком, которого свернуть с пути невозможно, а всякие телячьи нежности представлялись ему дикими и бессмысленными. Основной инстинкт у него связывался с работой, где Руслан перерождается в хищника, четко идущего по следу, пусть это и звучит грубо. Здесь нужны ум, интуиция и все те свойства, которые другие люди тратят на мелочи. Но нежданно-негаданно он встретил Клариссу и поступил как истинный эгоист, забыв обо всем, о семье тоже. Впрочем, он всегда поступал как эгоист. Только раньше от этого никто не страдал, а в данной ситуации страданий не избежать. От Клариссы он отказываться не собирается, жаль, они поздно встретились. А как теперь быть с женой? На два фронта жить он не умеет и не хочет уметь.

Руслан выбросил окурок в окно и тряхнул головой. Личные проблемы как-нибудь уладятся, а вот два убийства сами по себе не раскроются.

– Я пришел, и отмахнуться от этого факта нельзя, – возвестил Яловой и направился к стулу. – Доброе утро, Руслан. Оно действительно доброе. Первый день осени ознаменовался великолепной погодой. Я шел пешком и наслаждался. Горы в голубой дымке, солнце сияет волшебно, природа чарующе прекрасна. А скоро задуют ветры, нагрянет мокропогодица... Хотя я не прав, еще пару месяцев мы насладимся теплом.

– Ты по делу? – прервал поток этих восторгов Руслан.

– М-да, – усмехнулся Яловой. – Нет в тебе поэтической искры...

– Нет, – согласился Руслан. – С чем пришел?

– Да просто зашел проведать, заодно результаты экспертиз занес, читай. – Яловой бросил на стол листы, подошел к окну. – Что ни говори, а нам повезло. Живем в раю!

– Всем привет! – ворвался в кабинет Сева.

– Падай на стул, – бросил ему Руслан, просматривая листы, но не читая. – Сергей, а нельзя на словах? Тошнит от подробных описаний, которые можно свести к двум фразам.

– Я могу обойтись и одной фразой. Налицо механическая асфиксия, то есть препятствие поступления воздуха в организм путем перекрытия рта и носа ладонью.

– Понятно, ничего нового, – сказал Руслан, отбросив листы. – Ты уверен, обеих точно убил один и тот же человек?

– Сомневаешься в моих способностях? – с шутливой интонацией спросил Яловой. – Дамочек задушил один человек. Даже когда стреляют на расстоянии, оставляют не только пулю в труп, но и почерк. Кстати, вам не кажется, что у нас давненько не стреляли? Последнее время почему-то все больше прибегают к удушению. Как вы думаете, у преступников нет денег на пистолеты?

– Может, они больше кайфа получают при удушении, или это последний бренд, – сострил Сева.

– Что такое «бренд», Сева? – заинтересовался Яловой.

– В журналах часто встречается, а перевода там не дают, – сказал Сева. – Но бренд – это что-то супермодное, я так понял.

– Слава богу, – усмехнулся Яловой. – А то уж я подумал, что преступный мир кичится образованностью, перейдя на иностранный язык.

– Поговорили ни о чем? – постукивая пальцами по столу, произнес Руслан. – Вернемся к насущным проблемам. У нас есть положительные новости.

– Да ну! – оживился Яловой. – Вам тогда крупно повезло. Обычно девушки, которых выловили из моря, мечтают о возмездии на небесах, но мечты их не сбываются.

– О возмездии говорить рано. Но в «Южной ночи» пропала отдыхающая. По описаниям, это вторая убитая. Зовут Татьяна Фатеева. Ушла позавчера, до вчерашнего вечера не вернулась.

– И сегодня не вернется, – заверил Сева.

– Так в чем дело? – поднял брови Яловой. – Проведите опознание.

– Нет, – категорично сказал Руслан. – Мне без опознания понятно, что это Фатеева. Она собралась в казино, дежурной намекнула, что у нее свидание. Одета была в сине-серебристое платье с открытой спиной, в руках держала сумочку, на ней висело множество ювелирных изделий из золота. Но в казино не пришла, мы справились.

– Золота на труп не было, – пробормотал разочарованно Яловой. – Значит, примитивное убийство с целью ограбления? Впрочем, подавляющая часть убийств имеет примитивные мотивы, но при этом встречаются изощренные методы достижения цели, правда, редко. Обычно для убийцы характерны одна извилина, идеальная жестокость и звериная осторожность. Впрочем, современный преступник умнеет, как минимум заканчивает половину средней школы, смотрит телевизор, поэтому ищет неординарные ходы. И что ты намерен делать, Руслан?

– Во-первых, мы приняли меры, то есть в городе проверяют граждан, вернувшихся из мест заключения. Также шерстят шизофреников, способных на убийство. К счастью, и тех и этих немного, думаю, результаты проверок получу уже сегодня. Во-вторых, пока подпольно выясним все о Фатеевой, произведем обыск у нее в номере.

– Руслан, твои действия неправомерны, – мягко возразил Яловой. – Надо знать наверняка, чтобы и одного процента сомнений не было. Вдруг это похожая женщина, а настоящая Фатеева где-то гуляет? Тогда вся ваша работа полетит в трубу, да еще неприятностей наживешь после обыска. Тебе придется провести опознание, и сделай это как можно быстрее. Не хочешь, чтобы убийства получили огласку? Придумай какой-нибудь ход, но опознание проведи. Да, а плавучее средство? Что об этом известно?

– Пока ничего.

– Прими совет, если считаешь нужным. Проверьте лодочные станции не только в городе, но и в близлежащих поселках.

– Спасибо, это как раз мы не учли.

– Ну, я пошел, – встал Яловой. – Руслан, опознание надо провести.

Он ушел, Руслан, скрестив пальцы рук, уперся в них подбородком. Прошла минута, вторая, третья... Сева не выдержал:

– Чапай, ты скоро думу додумаешь? – Руслан кинул в него пластмассовой линейкой, Сева ловко перехватил ее. – Тебя давно пора привлечь за неуставные отношения.

– Поехали! – решительно встал Руслан.

– Куда?

– Не закудыкивай!

Приехали к дому Лидии Михайловны, вызвали ее. Она была одета не по-домашнему, видимо, куда-то собралась.

– Вы можете поехать с нами на опознание? – спросил Руслан.

– Опознание? – растерялась та. – Какое?

– Нужно посмотреть на одного человека, – обтекаемо ответил Руслан. – Много времени это не займет.

– Но мне на дежурство...

– Не волнуйтесь, с вашим начальством я договорюсь.

– Ну, не знаю... – не решалась согласиться она, подозревая подвох.

– Очень вас прошу, нам позарез нужно ваше подтверждение.

– Ну, раз недолго... А кого опознавать?

– На месте узнаете.

Перед моргом Руслан попросил подождать ее и Севу в машине, причем Севу оставил, чтобы свидетельница не сбежала, а сам вошел внутрь, предупредил, что привез гражданку на опознание второго трупа. Затем вернулся, открыл дверцу, приглашая выйти Лидию Михайловну, и начал психологическую подготовку, чтобы женщина – не дай бог – не грохнулась в обморок:

– Лидия Михайловна, вам предстоит опознать... всего лишь труп.

– Ой! – неожиданно вскрикнула она, схватившись за сердце. – Труп? А кто-нибудь другой не может... опознать? Я страшно боюсь трупов!

– Больше никому, Лидия Михайловна, только на вас мы надеемся, – нагружал ее ответственностью Руслан. – Вы нам очень поможете, очень.

– Да? – растерянно лепетала та. – Я? А смогу?

– Конечно! – заверил он. – Вы только посмотрите на лицо, весь труп вам не покажут, клянусь. Ну, готовы?

– Ой, не знаю... Труп! Я... попробую.

Они вошли в морг, Лидия Михайловна вся напряглась, достала платочек из сумочки и прижала его к носу, очевидно, боясь учуять трупный запах. Ее подвели к накрытому простыней трупу, по знаку Руслана работник морга приоткрыл лицо...

– О-о-ой... – протянула Лидия Михайловна. – Это же... – и оглянулась на Руслана, тот подбодрил ее кивком головы, мол, кто? – Она... Танька это...

Работник морга тут же накрыл голову трупа по знаку Руслана. Лидия Михайловна всхлипывала, жалко ей стало Фатееву Таньку. Хотя и не любит она бесстыжих баб, но смерти им не желает. Сева шепнул Руслану в ухо:

– Второй труп. То есть...

– Понял, – чуть слышно отозвался Руслан и подошел к Лидии Михайловне: – Вы хорошо себя чувствуете?

– Я? Ну да. А почему она?.. Что с ней случилось?

– После поговорим. Скажите, можете еще на один труп взглянуть?

– Еще?! – широко раскрыла она глаза. – И кто этот труп?

– Не знаем. Вообще не знаем, кто та женщина.

– А труп... женщина? – мямлила Лидия Михайловна, нервно оглядываясь по сторонам, словно искала лазейку, чтобы срочно убежать. – Не знаю... А очень надо?

– Очень, – сердечно сказал Руслан и приложил руку к груди.

– Ну, давайте... А меня не стошнит? После Таньки мне не совсем...

– Возьмите, – сунул ей целлофановый пакет работник морга, позаботившийся заранее о возможной реакции со стороны свидетельницы.

Лидия Михайловна робко взяла пакет. Руслан дал молчаливую команду работнику морга приготовить второй труп, а сам успокаивал женщину:

– Не бойтесь. Просто вам непривычно находиться в морге, а на самом деле это обыкновенные трупы. Вы же убедились, что опознание не так страшно?

– Нет... страшно... – захныкала она. – Как же так случилось?

– Ну-ну, Лидия Михайловна. Представьте, никто не знает, что за человек у нас... А вы... вы все знаете. Надо же родным сообщить, правильно? Представьте, как они волнуются. Ну, готовы?

Она лишь махнула рукой с платочком, мол, готова, и прижала платок к носу. Ее подвели к следующему трупу, который оставили в черном мешке, но перед опознанием работник морга накрыл труп простыней. Кому охота братья за разложившееся тело, его хоть и подморозили, а все равно противно. Сева слегка поддерживал женщину под локоть. Работник морга освободил голову покойной так, чтобы Лидия Михайловна увидела все подробности. Но она не рискнула подойти вплотную к трупу, поэтому ей пришлось вытянуть шею, дабы разглядеть подробности. Лицо Лидии Михайловны перекосила страдальческая и одновременно брезгливая гримаса. Вдруг она ринулась к стене, судорожно раскрывая пакет. Послышались рвотные звуки.

– Извините... – бормотала она в перерывах между рвотой.

– Ничего, ничего, – успокаивал ее Руслан. – Вам помочь?

– Н-нет... Да что же это?.. Фу, ты...

Наконец она утерлась платком. Руслан не дал ей опомниться:

– Вы узнали ее? Кто это?

– Не совсем...

– Лидия Михайловна, взгляните на нее еще раз.

Она поняла, что от нее не отстанут, того хуже – не выпустят отсюда, живи тогда с этими трупами! Лидия Михайловна, закрыв рот и нос платком, осторожно приблизилась к телу и посмотрела на обезображенное лицо. Секунд тридцать она внимательно изучала его, после чего молча попятилась задом.

– Узнали? Или нет? – допытывался Руслан. Она лишь судорожно, но утвердительно закивала. Он взял ее под руку и вывел на улицу, где Лидия Михайловна принялась шумно вдыхать воздух. – Вам знакома вторая женщина, так?

– Кажется... Я могу ошибиться... Она очень изменилась...

– Ну-ну? Кто она? Мы проверим ваши предположения.

– Ульяна... фамилии не знаю. Она сначала в нашем корпусе жила, а потом перебралась в другой, номер ей не понравился, вид плохой. Отдыхающих столько у нас бывает... кто на три дня, кто на неделю, кто на месяц приезжает, разве ж всех упомнишь по фамилии? С Танькой мы все же часто перекидывались словами... А эта... Ульяна... она заносчивая... была. Похожа на Ульяну. Но не очень. Может, это не она?

– А почему в пансионате не обратили внимания на пропажу Ульяны? – спросил Сева. – Ведь ее несколько дней нет.

– Потому что уехала она. Горничная из второго корпуса рассказывала, мы с ней дружим. Ульяна доставала ее придирами. Ой, не она это. Похожая... наверное.

– Лидия Михайловна, – обратился к ней Сева, – все же вы сказали, что женщину зовут Ульяна. Почему вы сразу вспомнили ее? Приметы есть особые, да?

– Д-да... есть... Вообще-то она такая страшная стала... теперь снится мне будет!

– А что за приметы? – настаивал Сева на вразумительном ответе.

– Да пятно на подбородке, – сказала она, и вдруг ей пришла в голову идея: – Или это не пятно вовсе, а грязь? Может, труп выпачкался? Вы потрите пятно, чтобы проверить...

– Да нет, на подбородке не грязь, а родимое пятно, – «успокоил» ее Руслан.

– Тогда это Ульяна, – взялась всей пятерней за щеку Лидия Михайловна. – У нее три дырки в ухе (она видела левое ухо, а не правое, разорванное). По три серьги в уши вденет и ходит. Что за мода? Всем богатство свое надо показать. Еще волосы... в три цвета покрашены... Я понимаю: все красят волосы, я тоже, но в три-то цвета зачем? Особенно в фиолетовый? И брови... у нее густые брови, дугой... Да, это она, Ульяна. Как же так? Выходит, две наших жилички... окочурились?

[Купить полную версию книги](#)